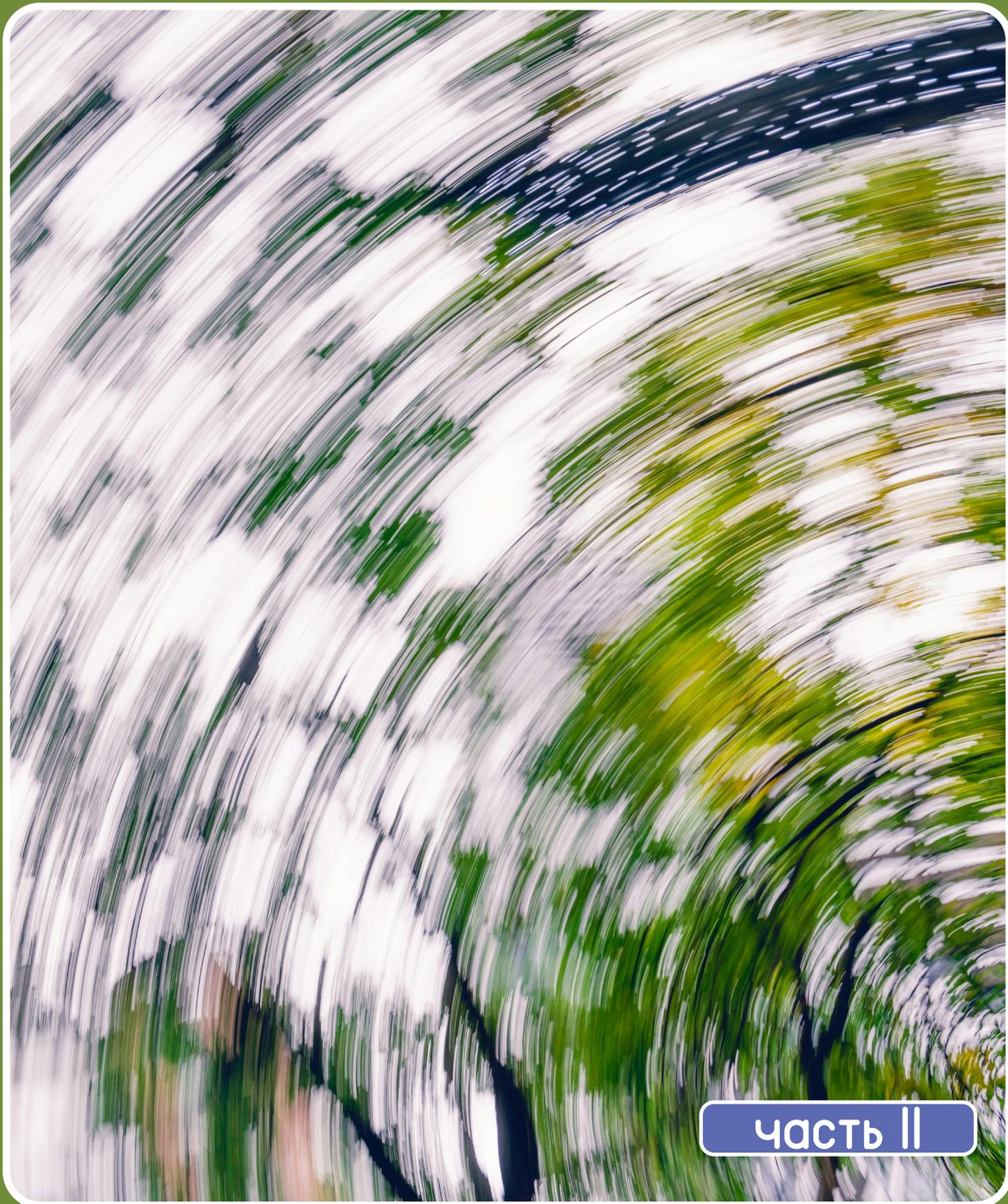

АП:И

АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

международный научный журнал // ISSN 2713-1513 // № 5 (291), 2026 // apni.ru

часть II

Актуальные исследования

Международный научный журнал

2026 • № 5 (291)

Часть II

Издается с ноября 2019 года

Выходит еженедельно

ISSN 2713-1513

Главный редактор: Ткачев Александр Анатольевич, канд. социол. наук

Ответственный редактор: Ткачева Екатерина Петровна

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абдуллин Тимур Zufарович, кандидат технических наук (Высокотехнологический научно-исследовательский институт неорганических материалов имени академика А. А. Бочвара)

Абидова Гулмира Шухратовна, доктор технических наук, доцент (Ташкентский государственный транспортный университет)

Альборад Ахмед Абуди Хусейн, преподаватель, PhD, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Аль-бутбахак Башшар Абуд Фадхиль, преподаватель, PhD, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Альхаким Ахмед Кадим Абдуалкарем Мухаммед, PhD, доцент, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Асаналиев Мелис Казыкеевич, доктор педагогических наук, профессор, академик МАНПО РФ (Кыргызский государственный технический университет)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, проректор по научной работе, профессор, директор НИИ биогеографии и ландшафтной экологии (Дагестанский государственный педагогический университет)

Бафоев Феруз Муртазоевич, кандидат политических наук, доцент (Бухарский инженерно-технологический институт)

Гаврилин Александр Васильевич, доктор педагогических наук, профессор, Почетный работник образования (Владимирский институт развития образования имени Л.И. Новиковой)

Галузо Василий Николаевич, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник (Научно-исследовательский институт образования и науки)

Григорьев Михаил Федосеевич, доктор сельскохозяйственных наук (Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полецкого)

Губайдуллина Гаян Нурахметовна, кандидат педагогических наук, доцент, член-корреспондент Международной Академии педагогического образования (Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова)

Ежкова Нина Сергеевна, доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого)

Жилина Наталья Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Ильина Екатерина Александровна, кандидат архитектуры, доцент (Государственный университет по землеустройству)

Каландаров Азиз Абдурахманович, PhD по физико-математическим наукам, доцент, проректор по учебным делам (Гулистанский государственный педагогический институт)

Карпович Виктор Францевич, кандидат экономических наук, доцент (Белорусский национальный технический университет)

Кожевников Олег Альбертович, кандидат юридических наук, доцент, Почетный адвокат России (Уральский государственный юридический университет)

Колесников Александр Сергеевич, кандидат технических наук, доцент (Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова)

Копалкина Евгения Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент (Иркутский национальный исследовательский технический университет)

Красовский Андрей Николаевич, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН и АИН (Уральский технический институт связи и информатики)

Кузнецов Игорь Анатольевич, кандидат медицинских наук, доцент, академик международной академии фундаментального образования (МАФО), доктор медицинских наук РАГПН, профессор, почетный доктор наук РАЕ, член-корр. Российской академии медико-технических наук (РАМТН) (Астраханский государственный технический университет)

Литвинова Жанна Борисовна, кандидат педагогических наук (Кубанский государственный университет)

Мамедова Наталья Александровна, кандидат экономических наук, доцент (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова)

Мукий Юлия Викторовна, кандидат биологических наук, доцент (Санкт-Петербургская академия ветеринарной медицины)

Никова Марина Александровна, кандидат социологических наук, доцент (Московский государственный областной университет (МГОУ))

Насакаева Бакыт Ермекбайкызы, кандидат экономических наук, доцент, член экспертного Совета МОН РК (Карагандинский государственный технический университет)

Олешкевич Кирилл Игоревич, кандидат педагогических наук, доцент (Московский государственный институт культуры)

Попов Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук (DSc), доцент (Андижанский государственный институт иностранных языков)

Пятаева Ольга Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент (Российская государственная академия интеллектуальной собственности)

Редкоус Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор (Институт государства и права РАН)

Самович Александр Леонидович, доктор исторических наук, доцент (ОО «Белорусское общество архивистов»)

Сидикова Тахира Далиевна, PhD, доцент (Ташкентский государственный транспортный университет)

Таджибоев Шарифджон Гайбуллоевич, кандидат филологических наук, доцент (Худжандский государственный университет им. академика Бободжона Гафурова)

Тихомирова Евгения Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, Почётный работник ВПО РФ, академик МААН, академик РАЕ (Самарский государственный социально-педагогический университет)

Хаитова Олмахон Саидовна, кандидат исторических наук, доцент, Почетный академик Академии наук «Турон» (Навоийский государственный горный институт)

Цуриков Александр Николаевич, кандидат технических наук, доцент (Ростовский государственный университет путей сообщения (РГУПС))

Чернышев Виктор Петрович, кандидат педагогических наук, профессор, Заслуженный тренер РФ (Тихоокеанский государственный университет)

Шаповал Жанна Александровна, кандидат социологических наук, доцент (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Шошин Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского)

Эшонкулова Нуржахон Абдужабборовна, PhD по философским наукам, доцент (Навоийский государственный горный институт)

Яхшиева Зухра Зиятовна, доктор химических наук, доцент (Джиззакский государственный педагогический институт)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ, ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ, ЖУРНАЛИСТИКА

Шарифова У.Р.

ИНЪИКОСИ ЧАРАЁНИ БУНЁДИ ИНШОТИ БУЗУРГИ АСР ДАР МАТБУОТИ
ТОЧИК6

Меньшикова А.А.

КОМПЛЕКСНАЯ МЕТОДИКА ПРЕОДОЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО БАРЬЕРА ПРИ
ОБУЧЕНИИ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ..... 11

КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ, ДИЗАЙН

Савельева А.А.

БИОФИЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ В ДИЗАЙНЕ МЕБЕЛИ КАК ФАКТОР
ЭМОЦИОНАЛЬНОГО И СЕНСОРНОГО КОМФОРТА 14

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Башкатова А.С.

НЕЗАКОННАЯ ДОБЫЧА ЯНТАРЯ, НЕФРИТА И ДРУГИХ ДРАГОЦЕННЫХ
КАМНЕЙ 18

Великанова С.С.

ПРИВЛЕЧЕНИЕ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ К СУБСИДИАРНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ВОССТАНОВЛЕНИЯ
НАРУШЕННЫХ ПРАВ КРЕДИТОРОВ 21

Даниленко Ю.А.

ПРАВОВОЙ ДУАЛИЗМ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В
ПРОЦЕДУРАХ БАНКРОТСТВА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ..... 25

Енчик А.Г.

СОВРЕМЕННЫЕ СРЕДСТВА ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ
ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ 28

Колесников Р.С.

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ (БАНКРОТСТВО) ИНДИВИДУАЛЬНЫХ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ
ПРАКТИКИ 39

Литвинова М.А.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОВЕРШЕНИЕ
ПРАВОНАРУШЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ЧАСТЯМИ 6 И 7 СТАТЬИ 14.35
КОАП РФ..... 43

Невзгодова А.Э., Глухарева С.В.

ПОНЯТИЕ УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ ТАМОЖЕННЫХ ПЛАТЕЖЕЙ: ПРАВОВОЙ И
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 46

Толошная А.Ю.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРАКТ: ЗАКЛЮЧЕНИЕ, ИЗМЕНЕНИЕ,
РАСТОРЖЕНИЕ..... 49

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Мелентович Н.О.

РОЛЬ РЕДКОЗЕМЕЛЬНЫХ МЕТАЛЛОВ В РАЗВИТИИ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ
ЭНЕРГЕТИКИ..... 54

Суздальцева Ю.С.

РОЛЬ ВНЕБЮДЖЕТНЫХ ИСТОЧНИКОВ ФИНАНСИРОВАНИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ДОШКОЛЬНЫХ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ..... 60

Чернова Ю.А.

ФИНАНСОВАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ: МЕТОДИКА АНАЛИЗА И
ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ..... 63

ПСИХОЛОГИЯ

Ковалева П.А.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОСТЮМА И ИХ ПРОЯВЛЕНИЕ
В ШКОЛЬНОЙ СРЕДЕ..... 71

ФИЛОЛОГИЯ, ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ, ЖУРНАЛИСТИКА

ШАРИФОВА Умедахон Раҳимҷоновна

дотсенти кафедраи адабиёти муосири тоҷики,
Донишгоҳи давлатии Хуҷанд ба номи академик Б.Ғафуров,
Ҷумҳурии Тоҷикистон, Шаҳри Хуҷанд

ИНЪИКОСИ ҶАРАЁНИ БУНЁДИ ИНШОТИ БУЗУРГИ АСР ДАР МАТБУОТИ ТОҶИК

Аннотация. Мақолаи мазкур ба омӯзиши инъикоси ҷараёни бунёди иншооти бузурги аср дар матбуоти тоҷик бахшида шудааст. Қайд карда мешавад, ки нерӯгоҳи барқи обии Роғун яке аз иншоотҳои муҳим ва дорои аҳамияти стратегӣ мебошад, ки дар таъмини рушди устувори иқтисодии мамлакат ва ноил гардидан ба истиқлолияти энергетикӣ нақши калидӣ мебозад.

Калидвожаҳо: инъикоси ҷараён, бунёди иншооти бузурги аср, матбуоти тоҷик.

Нерӯгоҳи барқи обии Роғун яке аз иншоотҳои муҳим ва дорои аҳамияти стратегӣ мебошад, ки дар таъмини рушди устувори иқтисодии мамлакат ва ноил гардидан ба истиқлолияти энергетикӣ нақши калидӣ мебозад. Ин нерӯгоҳ аз бузургтарин объектҳои гидроэлектрикӣ дар ҷаҳон ба ҳисоб рафта, дар оянда бо истехсоли нерӯи сабз аз лиҳози экологӣ беҳавфтарин ва беҳтарин дар тамоми дунё хоҳад буд, ки ба манфиати мардуми Осиёи Миёна ва кишварҳои ҳамсоя равона шудааст. Бо бунёдкории оммаи халқ ва ибтикори Президенти Ҷумҳурӣ беш аз бист ҳазор нафар бо ҷои кории доимӣ дар ин иншооти бузург машғул гардидаанд. Меҳнат дар ин иншооти азим ифтихормандии ҳар як шаҳрванди кишвари азизи мо буда, ба шиори рӯз табдил ёфтааст. Бунёди калонтарин нерӯгоҳи мардумӣ, ки орзуи ҳамешагии мардуми мо буд, дар шеъри имрӯзи тоҷик бо шаҳомату даъват ба меҳнат сароида шуда истодааст. Ин ҳодисаи таърихӣ мардумро аз бунбасти иқтисодӣ раҳо намуда, барои пешрафти иқтисодии мамлакат нақши бузурге мегузорад. Тасвири ин ҳодисаи таърихӣ дар шеъри Неъмат Оташ ба дараҷаи аъло инъикос гардидааст. Ҳамзамон бояд ёдрас шуд, ки шоир дар ситоиши шахсиятҳои барӯманди миллат шеърҳои хубе сурудааст, ки дар гиромидошти эшон ва ҳамчунин тарбияи насли

наврас дар рӯҳияи худшиносӣ ватандӯстӣ бегаъсир намоида. Шеъри “Роғун” низ як шеъри хуби иҷтимоӣ аст, ки аз муаммои замони ҳаққон мекунад:

Роғун,
Эй қасри пурчалолӣ саодат,
Рӯзе туро муҳаббати беинтиҳои халқ,
Дар тангнои кӯҳ
Бо сад ҳазор муъҷиза бунёд мекунад.
Дар чор самти ту [7, с. 35].

Шоир Роғунро ҳамчун қасри саодат, яъне рамзи хушбахтӣ, шукуфӣ ва ояндаи дурашони миллат тасвир намудааст. Баландии мақом ва арзиши маънавии ин иншоот манбаи бахту некӯзии мардум аст. Вай таъкид мекунад, ки нерӯи асосии бунёди Роғун муҳаббат, ирода ва иттиҳоди мардум мебошад. Яъне Роғун бо зӯру амр не, балки бо муҳаббати самими халқ қомат меафрӯзад. Бо вучуди тангӣ, саҳтии кӯҳистон ва монеаҳои табиӣ, сохтмони ин иншоот имконпазир буда, он меҳвари саодат, самари муҳаббат ва иттиҳоди мардум, муъҷизаи офаридаи инсон дар оғӯши кӯҳҳо мебошад.

Бингар, ки коргар,
Ин паҳлавони аср
То садди оҳанин биниҳад пеши пой руд,
Путки гарон ба даст,
Бо бозуи матин,

Мардонағи чу Коваи ҳаддод мекунад [7, с. 35].

Ин шеъри бисёр пурмаъноро дар васфи Роғун шоир бо тамоми нозуқиҳояш рӯи қоғаз меоварад ва шуои бахти инсонҳоро дар меҳнати ҳалолу хизмат ба ватан мебинад. Вақте мардум ба истиқлолияти энергетикӣ мерасанд шароити беҳтарини иқтисодиву иҷтимоӣ барояшон муяссар мегардад. Эътиқод ва садоқати ватандории шоирро дар шеърҳои ба васфи ватан бахшидаи ин адиби хушқалом мушоҳида кардан метавон. Роғун чун як пораи ҷони Ватан мебошад, намоди зебой, ободӣ ва дилоройст. Роғун ҳақиқат асту часорату мардонагист.

Камол Насрулло дар шеъри худ “Шуои бахти тоҷикон” умеди ягонаи халқу мардуми тоҷик будани нерӯгоҳи Роғунро ба риштаи назм кашада, ин калиди бахти тоҷиконро сабабгори беҳбудии рӯзгори мардум, бахту саодати халқ номидааст. Шоири мумтоз мулоҳизаҳояшро дар бораи ин нерӯгоҳи азими аср дар матбуоти давр ва расонаҳои хабарӣ низ фаъолона иброд меорад.

Шуои бахти тоҷикон
Роғун, эй Роғун!
Умеди миллати ман,
Дар ҷаҳони ноумедиҳо!
Эй калиди бахти тоҷикон,
Дастовози сафедиҳо!
Роғун, эй Роғун,
Билоди ман!
Эътимоди ман,
Эй ту симои садоди ман [9, с. 5]!

Имрӯзҳо бузургтарин воқеаҳои замони мо – кӯшиш дар ҷодаи истехкоми ваҳдати миллӣ, сохтмони Шоҳроҳи ваҳдат, иншооти нерӯгоҳҳои барқи обӣ, ислоҳоти сершумори иқтисодӣ дар адабиёт пурра инъикос ёфтаанд. Ин боиси омӯхтани шеъри замони муосир, бахусус замони истиқлол гардид, дарёфти роҳу равияҳои он, дарёфти муҳимтарин сифатҳои ҷараёни адабӣ, муайян намудани муҳтасоту вижагии шеъри ширинқалом гардида метавонад яке аз масъалаҳои ҷолиби диққати илми адабиётшиносии тоҷик қарор гирад.

Эй шукӯҳи ишқи Меҳан
Дар ниҳоди ман!
Роғун, эй Роғун!
Қомати нангини тоҷикон!
Пайкари сангини тоҷикон!
Бо ту пирӯз аст, пирӯз аст
Шӯҳрату таҳсини тоҷикон [9, с. 5]!

Мусаллам аст, ки инсон бидуни зиндагии иҷтимоӣ наметавонад ниёзҳои моддӣ ва маънавии худро бартараф кунад ва бидуни он аз тайи ҳатто ибтидои дараҷоти камол ва таракқии худ очиз мемонад. Ин аст, ки масоили иҷтимоии рӯзгор наметавонад ба шеър ворид нашавад. Бале ҷанбаи иҷтимоӣ аст, ки мӯҳтаво ва маъно ва ҳатто тасвири шеърро ба таҳрик меорад.

Ба унвонии ин шеър, ки “Созем Роғунро зи меҳр” ном гирифтааст аҳамият диҳем, дарк менамоем, ки ин корзори нангу номуси миллату давлати мо ҳеч нафареро бетараф нагузоштаасту башорати хубиву сулҳу ваҳдат гардидааст. Ҳақназар Ғоиб дар шеъри мазкур аз бозуву тавоноии халқи бузурги мо, ҷоннисоркуниҳои мардони ватан, номусу нанги мардони майдон ва корзори фарзонамардон қисса менамояд. Бо меҳру муҳаббати махсусу дили пур аз шӯру шавқ ба майдони кор ҳозир шудани мардуми заҳматписанди мо бо як назокати махсус тасвир гардидааст. Ба мисраъҳои поёнӣ тавҷӯҳ намоед:

Фарҳодҳои асри нав,
Фарзонамардони диёр,
Дар Роғуни овозадор
Номусу нанг ояд ба кор
Бозуягон дар маҳкамӣ,
Чун бозуи Исфандиёр,
Дар Роғуни тақдирсоз
Номусу нанг ояд ба кор [4, 7-9].

Дар ин байтҳо шоир сохтмончиён ва бунёдкорони Роғунро «Фарҳодҳои асри нав» меномад. Ин ташбеҳ ба қаҳрамони афсонавӣ Фарҳод ишора мекунад, ки рамзи меҳнати сангин, муҳаббат, сабр ва фидокорӣ аст. Яъне бунёдгари имрӯз низ мисли Фарҳод бо ҷонфидой меҳнат мекунад. Мардони хирадманд, ватандӯст ва бошарафи кишварро дар назар дорад, ки сохтмони Роғунро рисолати миллӣ медонанд. Шоир қувваи коргаронро бо Исфандиёр – қаҳрамони «Шоҳнома», ки бадани шикастнапазир дошт, муқоиса мекунад. Ин ташбеҳ рамзи устуворӣ, қувват ва мағлубнашавӣ аст.

Эй ҳамватан, эй ҳамдиёр,
Эй машғалони корзор.
Созем нуристон Ватан,
Бо меҳри дил, бо нангу ор
Бахшад нури ақлатон,
Роғун бигардад нурбор
Фарҳодҳои асри нав!
Номусу нанг ояд ба кор [4, 7-9].

Шоири ширинқалом Ҳақназар Ғоиб чандин шеърҳои пурмаъноии худро доир ба сохмони

бузурги аср, иншооти аҳамияти стратегӣ дошта НБО- и Роғун иншо кардааст. Шеърҳои ӯ “Роғун”, “Нишоти миллат”, “Кохи Роғун” ва аз ҷумла шеъри болоӣ низ маҳсули эҷоди ин шоир мебошад. Зинда намудани исмҳои хоси таърихӣ ба монанди Фарҳоди кӯҳкану Исфандиёр ва ёдовар гардидан аз қахрамониҳои эшон падидаи неке мебошад, ки барои таҳкими пояҳои давлатдориву бузургдошти фарҳанги миллӣ мусоидат менамоянд. Эӣ ҳамватан, эӣ ҳамдиёр мегӯяд шоир, эӣ машғалони корзор бояд ҳама ба меҳнату кор пардозем ватанамонро боғистону гулистон мубаддал гардонем.

Шоир Нурмуҳаммад Ниёзӣ низ дар шеъри худ “Баҳори нозанин дил бохт Роғунро” дар бораи фасли зебои сол, арӯси сол фасли баҳори нозанин ва ба ҳайрат омадани ӯ аз ҳусну таровати Роғуну нашинохтанаш ҳарф мезанад.

Баҳор омад, вале нашнохт Роғунро,
Ба ҳайрат шуд, ки аз нав сохт Роғунро?
Худо то ин ки бинмояд чи қудрат дошт.
Ба лутф оё назар андохт Роғунро?
Ҷаҳон ошиқ ба гулҳои баҳорон аст,
Баҳори нозанин дил бохт Роғунро [10, с. 7].

Баҳор фасли зебою арӯси сол ва бедории табиат мебошад, ки рамзи сарсабзию тозагӣ ва гулафшонӣ аст. Дар ин мисраҳои шеърӣ НБО Роғун ҳамчун рамзи қудрату бунёдкорӣ ва ифтихори миллӣ тасвир шудааст. Шоир мефаҳмонад, ки ҳатто баҳор, ки худ рамзи зебоӣ, эҳё ва навшавии табиат аст, Роғунро намешиносад, зеро он чунон дигаргун ва тозаву бузург бунёд шудааст, ки ҳайратовару шигифтангез аст. Шоир қудрати инсонро бо иродаи илоҳӣ пайванд медиҳад, яъне бунёди ин иншооти бузург на танҳо натиҷаи меҳнати инсон, балки бо лутфи Худо имконпазир гардидааст. Ин иншоот мӯъҷизаи аср, нишонаи эҷодкории инсон, ифтихори миллӣ ва рамзи беҳбудии халқи меҳнаткаш мебошад.

Зи дастони ҳузурби Рустаму Фарҳод
Чи тасвирест, сар афрохт Роғунро
Дурӯге нест, завқи тоҷикистонӣ
Чу ёри деҳнишин пардохт Роғунро.

Тасанно мерасад аз Нур ба халқе,
Макони пур зи партав сохт Роғунро [10, с. 7].

Зебоии эҳсосу андеша, диду тахайюли шоирона боиси ба зеҳни хонанда амиқтар ворид гардидани мафҳуму мӯҳтаво ва мақсади шоир мегардад. Хонанда тавассути тахайюл ва тасвирҳои шоир дар оғоз, авҷ, анҷом ва ҳулосаву натиҷаи мӯҳтавои ашъор ҳузур пайдо мекунад. Ин аст, ки ҷанбаи ҳунари дар шеър аз аносири муҳиму созанда ба ҳисоб меравад.

Шоир Гулназар Келдӣ, муаллифи суруди миллӣ дар шеъраш “Таронаи Роғун” оиди ин иншооти бузурги аср мисраҳои шеърояшро ҷунин ба риштаи назм кашидааст:

Шарори орзуҳои маро гир,
Барори ҷустуҷӯҳои маро гир,
Умеди бостонии маро гир,
Талоши навҷавонии маро гир,
Аё Роғун, мунаввар бош,
Шабохун зан, музаффар бош [6, с. 4]!

Шоир бо нидои самимӣ ва эҳсосотӣ ба Роғун мурочиат мекунад. Ин иншооти бузург ҳамчун умед, ормон ва таъягоҳи рӯҳии миллат муаррифӣ мешавад. Вай меҳодад тамоми орзу, талош, ҷустуҷӯ ва нияти неки худро бо ин орзуҳои бунёди нерӯгоҳ тавъам намояд. Ин мисраҳо ҳамчун ҷамъбасти орзуву умедҳои гузашта ва нерӯи насли имрӯз, рамзи пирӯзӣ, рушд ва ояндаи дурахшони миллат тасвир мекунад:

Зи оташхонаи Зардушт бархез,
Ба рӯҳи поки Деваштич оmez,
Таҷассум кун фари Сомониёнро,
Тақаллум кун каломи ҷовидонро,
Аё Роғун, мунаввар бош,
Шабохун зан, музаффар бош [6, с. 4]!

Истифодаи бурдани исмҳои хоси таърихӣ ба монанди Зардушту Деваштич дар ин мисраҳо далели бузургдошти маданияву фарҳангии халқу мардуми мо мебошад. Тамоми шӯру шар ва орзуҳои маро бигиру худат шабохун зан ва ҳамеша зафар намо мегӯяд шоир гӯё ба нерӯгоҳи Роғун мурочиат намуда. Мунаввар гардидани Тоҷикистон ва ба истиқлолияти энергетикӣ ноил гардидани халқи заҳматпесанди мо пешравии асосии ҷомеа ба ҳисоб рафта, на танҳо ба худӣ мардум, балки ба ҷумҳуриҳои бурунмарзӣ ва дӯсту ҳамсоя низ манфиатбахш аст.

Баланду пасти дунёро назар кун,
Ҳаму бунбасти оламро гузар кун,
Ба рағми тангчашмии ҷаҳолат,
Ба қасди зулмату кину ҳасодат,
Аё Роғун, мунаввар бош,
Шабохун зан, музаффар бош [6, с. 4]!

Шоир бунёди иншооти асрро ҳамчун мавҷуди зинда ва рамзи қудрат инъикос менамояд. Ҳаму бунбаст, роҳҳои баставу мушкилоти иҷтимоӣ, рамзи фарозу нишеб, комёбиҳою нокомиҳо мебошад. Ҷаҳолату торикӣ, ҳасад, кина ва зулмат – ҳамаи нерӯҳои манфие, ки ба тараққиёт монеъ мешаванд, баръакси равшаниву сурур. Ин мисраҳо ҳамчун рамзи мубориза бо монеаҳо, ғалаба бар ҷаҳолат ва зулмат, ва умеди пирӯзии миллат мебошанд. Он рӯҳияи

устуворӣ, часорат ва эътимод ба ояндаро талқин мекунад.

Ту нури чехраи озодии ман,
Ту пайки равшани ободии ман,
Туро созам зи меҳри бекарона,
Ки мони рӯзи фардоям нишона,
Аё Роғун, мунаввар бош,
Шабохун зан, музаффар бош [6, с. 5]!

Таҳқику баррасии ҷанбаҳои ҳунарии шеър ковишҳои амиқу дақиқро тақозо дорад, зеро дар даҳсолаи охири қарни гузашта асоси рушду такомули шеър ба нерӯманд шудани ҷанбаҳои ҳунарии шеър тавҳам мебошанд. Бешак, дар шеър тасвир, меҳтаво ва шакл якҷоя ҳаракат мекунад ва ҳаргиз яке пештар аз дигаре буда наметавонад. Мусаллам аст, ки тасвир дар шеър бояд расову пурра бошад, яъне меҳтаво, ҳис ва андешаро ба ҳам созиш диҳад. Бозефтҳои шоирона, ҳаёли шоир асоси бадеият ва заминаи шеърро ташкил медиҳад. Хозибаи шеър пеш аз ҳама ба тозагии тасвир вобаста буда, чигунагии ханбаҳои ҳунарии шеър пеш аз ҳама ба иқтидори ҳунарии ҳар шоир алоқаманд аст. Маҳорати тасвиргари шоирон бошад, муайянгари дараҳаи ҳунари онҳост. Сароғози саодату бахту хурсандии мардум ин меҳнати ҳалол аст, бахту иқбол танҳо ба воситаи заҳмати ҳаррӯза ба даст меояд. Ба воситаи ҳидоятҳои неку муродбахши Пешвои миллат мо метавонем ҳамеша ба хушбахтихову нақӯиқболиҳо расида бошем. Қуллаи баланди фатҳу кушоиши мардум низ аз сохтмони ин нерӯгоҳ ва ҷонбозиҳои халқу мардуми мо дар бунёди Роғун мебошад. Шоирон талаш меварзанд, ки муҳити иҷтимоӣ, маишӣ ва ахлоқии ташаккули характер ва фикру ақидаи миллӣ, яъне тоҷикиро ҳарчи мушаххастар ва комилтар нишон бидиҳанд. Ҷои рӯйдодӣ воқеа, манзили макони қаҳрамон, феълӣ атвор, ҳаракату амал, сару либос, ахлоқу одоб, муомилаю муносибат, забон ва тарзи баёни ӯ, рангу бӯ ва ҳусну тароват ҳамаи ҳастии қаҳрамони шеъри миллӣ таҷассуми миллият аст.

Шеърҳои давраи истиқлоли миллӣ зухуроти дурахшони тамомили маҳорати нигорандагии адибони соҳибистеъдод ба шумор меоянд. Онҳо чун ҳамқадами ҳаёти нав ва ҳамнафаси бунёдкорони Тоҷикистони соҳибистиқлол ва ҳуқуқбунёд, ки ба воқеият нигоҳи ҷадид доранд, дар тасвири равандҳои муҳими ҳаёти ҷомеа ва қаҳрамони асарҳо аз меъёрҳои сирф

9. Камол Шуои бахти тоҷикон Н. / К. Насрулло – // Адабиёт ва санъат. 2018.

идеологӣ ва иҷтимоӣ синфӣ ва табақавӣ сарфи назар карданд, дар тасвиру таҳқиқи ҳаёти миллӣ аз мавқеи умумибашарӣ наздик шуданд.

Сафарбар намудани имкониятҳои маънавию зеҳнӣ, истифодаи оқилонаи нерӯҳои илмӣ барои ҷустуҷӯи роҳҳои ҳалли масъалаҳои муосири иқтисодиву иҷтимоӣ ва таъмини рушди устувори ҷомеа ҷавҳари сиёсати имрӯзаи давлату ҳукуматро дар соҳаи илму фарҳанг ва маориф ташкил медиҳад. Чунин муносибат ва тавачҷуҳи давлат ба илму фарҳанг ва адабу маърифат бебабаб нест, зеро миллати тоҷикро дар ҷаҳон бештар хубтар бо адабиёти оламгири он мешиносанд ва арҷ мегузоранд.

Аз баррасии шеърҳои дар васфи сохтмони иншооти муҳими аср бахшидаи шоирони тоҷик бармеояд, ки гуногунрангии мавзӯву мундариҷа, фарогирии доираи васеи муаммоҳои рӯзгор, таҷассуми мукаммали масоили доғи рӯз ва руҳдодҳои муҳими замони муосир боиси он гардидаанд, ки ин мавзӯ ҳамаҷун нерӯи азими маънавӣ қодир ба таъсири равшане дар таҳаввули ахлоқиву маънавӣ ва иқтисодиву иҷтимоӣ мардум гардидааст. Шоирони замони истиқлол бунёдкорони иншоотҳои муҳими асрро ҳамаҷун қаҳрамонони замони нав, соҳибони номус, нанг, қувва ва ирода, ва масъулони тақдири миллат васф мекунад.

Адабиёт

1. Асозода, Х. Таърихи адабиёти навини тоҷик / Х. Асозода. – Душанбе: Маориф ва фарҳанг, 2014. – 672 с.
2. Имомзода М.С., Кӯчарзода А., Абдуллозода М.А., Табарӣ М. Адабиёти тоҷик дар замони истиқлолият / М.С. Имомзода, А. Кӯчарзода, Абдуллозода, М. Табарӣ. – Душанбе: Матбааи ДМТ, 2020. – 346 с.
3. Гулназар Келдӣ. Фариштаи бомдод. – Душанбе: Адиб, 2000. – 222 с.
4. Ҳақназар Созем Роғунро зи меҳр Ғ. / Ҳ.Ғоиб // Адабиёт ва санъат – 2018.
5. Ҳақназар Ситоиши Роғун Ғ. Нишоти миллат / Ҳ. Ғоиб // Адабиёт ва санъат, 2018.
6. Келдӣ Г. Таронаи Роғун / Г. Келдӣ // Адабиёт ва санъат, 2018.
7. Оташ Н. Мунтахаби ашғор, Хучанд, Носир, 2001, 105 с.
8. С. Бозор Роғун / Б. Собир // Адабиёт ва санъат. 2009.
10. Ниёзӣ. Н. Баҳори нозанин дил бохт Роғунро / Н. Ниёзӣ – // Адабиёт ва санъат. 2018.

ШАРИФОВА Умедахон Рахимджоновна

доцент кафедры современной таджикской литературы,
Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова,
Республика Таджикистан, г. Худжанд

ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА СТРОИТЕЛЬСТВА ВЕЛИЧАЙШЕГО СООРУЖЕНИЯ ВЕКА В ТАДЖИКСКОЙ ПРЕССЕ

***Аннотация.** В данной статье рассматривается освещение в таджикской прессе процесса строительства крупнейшего сооружения столетия. Отмечается, что Рогунская гидроэлектростанция является одним из важнейших и стратегически значимых объектов, играющих ключевую роль в обеспечении устойчивого экономического развития страны и достижения энергетической независимости.*

***Ключевые слова:** освещение процесса, строительство крупнейшего сооружения столетия, таджикская пресса.*

SHARIFOVA Umedakhon Rahimjonovna

Associate Professor of the Department of Modern Tajik Literature,
Khujand State University named after Academician Bobodjon Gafurov,
Republic of Tajikistan, Khujand

REFLECTION OF THE CONSTRUCTION PROCESS OF THE GREATEST CONSTRUCTION OF THE CENTURY IN THE TAJIK PRESS

***Abstract.** The given article dwells on the reflection of the construction process of the greatest construction of the century in the Tajik press. It is noted that The Rogun Hydropower Plant is one of the most important and strategically important facilities that plays a key role in ensuring the country's sustainable economic development and achieving energy independence.*

***Keywords:** coverage of the process, construction of the greatest structure of the century, Tajik press.*

МЕНЬШИКОВА Анастасия Андреевна

учитель английского языка, МАОУ «Гимназия № 2» ГОЩ, Россия, г. Щёлково

КОМПЛЕКСНАЯ МЕТОДИКА ПРЕОДОЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО БАРЬЕРА ПРИ ОБУЧЕНИИ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Аннотация. В статье представлены результаты экспериментального исследования, направленного на преодоление языкового барьера у учащихся 7–9 классов в процессе обучения диалогической речи на английском языке. Описана комплексная методическая система, включающая диагностический, психологический и методический блоки. Приведены данные, подтверждающие эффективность предложенного подхода: снижение языковой тревожности на 35,4%, увеличение беглости речи на 108,9%, рост интерактивности в диалоге в 3 раза. Даны практические рекомендации для интеграции системы в учебный процесс.

Ключевые слова: языковой барьер, диалогическая речь, языковая тревожность, коммуникативная компетенция, интерактивные методы, подростки, английский язык.

Введение

В условиях глобализации и цифровизации общества владение английским языком становится неотъемлемым компонентом функциональной грамотности выпускника. Однако, как показывают данные педагогической практики и исследований, значительная часть учащихся средней школы испытывает серьезные трудности при реализации своих языковых знаний в ситуациях реального общения, что обусловлено наличием **языкового барьера**. Это сложное психолингвистическое явление, особенно выраженное в диалогической речи, препятствует формированию иноязычной коммуникативной компетенции, снижает мотивацию и учебную успешность.

Цель статьи – представить разработанную и апробированную комплексную методику преодоления языкового барьера в диалогической речи, обосновать ее эффективность и предложить практические рекомендации для педагогов.

Теоретико-методологические основания

Языковой барьер понимается нами как комплексное препятствие, возникающее на стыке лингвистических, психологических и социокультурных факторов и проявляющееся в неспособности использовать имеющиеся знания в условиях реальной коммуникации [4, 12]. Для подросткового возраста (10–15 лет) характерна повышенная эмоциональная чувствительность, колебания самооценки и ориентация на мнение сверстников, что усугубляет

проявления барьера, особенно в спонтанном диалоге [11].

Методологическую основу исследования составили:

1. Коммуникативный и личностно-деятельностный подходы (Е. И. Пассов, А. А. Леонтьев).
2. Теория аффективного фильтра С. Крашена.
3. Концепция готовности к коммуникации П. МакИнтайра.

Экспериментальная методика

Исследование проводилось в 2023–2024 учебном году на базе гимназии г. Щелково. В эксперименте участвовали 58 учащихся 8-х классов, разделенных на экспериментальную (ЭГ, n=29) и контрольную (КГ, n=29) группы.

Этапы эксперимента:

1. Диагностический (сентябрь–октябрь 2023): выявление исходного уровня языкового барьера с помощью адаптированной шкалы FLCAS, авторской анкеты «Самооценка барьеров в диалогическом общении», коммуникативных тестов и наблюдения.

2. Формирующий (ноябрь 2023 – апрель 2024): реализация в ЭГ комплексной методической системы, включающей:

- **Психологический блок:** техники релаксации, позитивного программирования, ситуаций успеха, поддерживающее оценивание.
- **Методический блок:** систему упражнений, разделенных на четыре последовательных этапа: подготовительные (фонетические и лексические разминки, упражнения на

вербальное реагирование); условно-коммуникативные (диалоги с опорами, задания с информационным пробелом); собственно коммуникативные (ролевые игры, дискуссии, кейсы); аутентичное общение (языковой клуб, виртуальные экскурсии).

3. Контрольный (апрель 2024): итоговая диагностика и сравнительный анализ результатов.

Результаты и их обсуждение

Сравнительный анализ данных ЭГ и КГ показал статистически значимый прогресс по всем ключевым параметрам диалогической речи и снижение проявлений языкового барьера.

Таблица

Динамика показателей диалогической речи (ЭГ)

Критерий	Начало эксперимента	Конец эксперимента	Прирост, %
Беглость речи (слов/мин)	34,6	72,3	+108,9
Интерактивность (реплик)	3,2	9,6	+200
Лексическое разнообразие	0,42	0,64	+52,4
Адекватность коммуникативной задаче (баллы)	2,6	4,5	+73,1
Длительность пауз (сек.)	2,4	0,7	-70,8

Основные результаты:

1. **Снижение языковой тревожности** в ЭГ на 35,4% (по шкале FLCAS), что в 3 раза превышает динамику в КГ.

2. **Наиболее эффективными** для преодоления психологического барьера оказались поддерживающее оценивание и создание ситуаций успеха; для лингвистического – лексические игры и упражнения на перефразирование; для коммуникативного – ролевые игры и задания с информационным пробелом.

3. **Рост мотивации:** 87% учащихся ЭГ отметили повышение интереса к общению на английском языке, 73% выразили готовность использовать язык вне школы.

4. **Качественные изменения:** увеличение длины реплик, использование компенсаторных стратегий, проявление инициативы в диалоге.

Методические рекомендации

На основе результатов исследования предлагается следующий алгоритм работы для педагогов:

1. **Комплексная диагностика:** использование набора инструментов (FLCAS, опросники, записи спонтанной речи) для создания «индивидуальной карты барьера» каждого ученика.

2. **Дифференциация и персонализация:** подбор упражнений в соответствии с выявленным типом барьера (психологический, лингвистический, коммуникативный).

3. **Создание психологически безопасной среды:** внедрение практик доверия, отсроченной и селективной коррекции ошибок, поощрение коммуникативной смелости.

4. Поэтапное формирование навыков:

от тренировочных упражнений с опорами к свободному спонтанному диалогу через интерактивные задания и игры.

5. **Интеграция цифровых инструментов:** использование образовательных платформ (Quizlet, Wordwall), приложений для общения с носителями (Tandem), виртуальных сред для моделирования ситуаций.

6. **Система мониторинга:** ведение учениками дневников прогресса, использование чек-листов коммуникативных стратегий для развития рефлексии.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило эффективность комплексного воздействия на все компоненты языкового барьера (психологический, лингвистический, коммуникативный) через единство диагностики, психологической поддержки и целенаправленных методических приемов. Предложенная система является практико-ориентированной, доступной для внедрения в массовую школьную практику без значительных дополнительных ресурсов и способствует не только преодолению коммуникативных трудностей, но и развитию мотивации, уверенности в себе и социокультурной компетенции учащихся.

Перспективы дальнейших исследований видятся в адаптации методики для других возрастных групп, детальном изучении влияния цифровых сред на снижение тревожности и разработке критериев оценки динамики преодоления барьера в долгосрочной перспективе.

Литература

1. Артемов В.А. Психология обучения иностранным языкам. – М.: Просвещение, 2005. – 276 с.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.: Педагогика, 1984. – 432 с.
3. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам. – М.: АРКТИ, 2017. – 192 с.
4. Зимняя И.А. Психология обучения иностранным языкам в школе. – М.: Просвещение, 2000. – 222 с.
5. Китайгородская Г.А. Методика интенсивного обучения иностранным языкам. – М.: Высшая школа, 2009. – 280 с.
6. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.: КомКнига, 2007. – 216 с.
7. Мильруд Р.П. Методика преподавания английского языка. English Teaching Methodology. – М.: Дрофа, 2012. – 256 с.
8. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. – М.: Просвещение, 2010. – 223 с.
9. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: Базовый курс лекций. – М.: Просвещение, 2008. – 239 с.
10. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2008. – 264 с.
11. Эльконин Д.Б. Психология обучения младшего школьника. – М.: Знание, 2001. – 164 с.
12. Elaine K. Horwitz, Michael B Horwitz, Joann Cope. Foreign Language Classroom Anxiety. The Modern Language Journal. – 1986. – Vol. 70(2). – P. 125-132.
13. Krashen S.D. The Input Hypothesis: Issues and Implications. – London: Longman, 1985. – 120 p.
14. MacIntyre P.D. Willingness to Communicate in the Second Language: Understanding the Decision to Speak as a Volitional Process // The Modern Language Journal. – 2007. – Vol. 91(4). – P. 564-576.
15. Nunan D. Practical English Language Teaching. – N.Y.: McGraw-Hill, 2004. – 342 p.

MENSHIKOVA Anastasia Andreevna

English Teacher, MAOU Gymnasium No. 2 GOSCH, Russia, Shchelkovo

A COMPREHENSIVE METHOD OF OVERCOMING THE LANGUAGE BARRIER IN TEACHING DIALOGIC SPEECH IN ENGLISH LESSONS IN SECONDARY SCHOOLS

Abstract. *The article presents the results of an experimental study aimed at overcoming the language barrier among students in grades 7-9 in the process of learning dialogic speech in English. A comprehensive methodological system is described, including diagnostic, psychological and methodological blocks. The data confirming the effectiveness of the proposed approach are presented: a 35.4% decrease in language anxiety, a 108.9% increase in fluency, and a 3-fold increase in interactivity in dialogue. Practical recommendations for the integration of the system into the educational process are given.*

Keywords: *language barrier, dialogic speech, language anxiety, communicative competence, interactive methods, teenagers, English.*

КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ, ДИЗАЙН

САВЕЛЬЕВА Анастасия Александровна

дизайнер интерьеров и мебели,
Университет искусства и дизайна, США, г. Сан-Франциско

БИОФИЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ В ДИЗАЙНЕ МЕБЕЛИ КАК ФАКТОР ЭМОЦИОНАЛЬНОГО И СЕНСОРНОГО КОМФОРТА

Аннотация. Статья посвящена анализу применения биофильных принципов в мебельном дизайне с акцентом на формирование эмоционального и сенсорного комфорта пользователя. Рассматривается биофильный подход как проектная логика, ориентированная на особенности восприятия и повторяющийся телесный контакт с предметом, а не как стилистический набор «природных» маркеров. Показано, что ключевое значение приобретают параметры ближнего восприятия: фактура и микрорельеф поверхности, температурные и акустические характеристики материалов, пластика форм и сценарии использования. Обосновано, что биофильные решения оказываются результативными при согласованности эргономики, функциональной структуры и сенсорных свойств, тогда как избыточная стилизация может снижать комфорт и усиливать утомляемость. Делается вывод о контекстной природе биофильного эффекта и необходимости оценивать его через призму пользовательского опыта и условий эксплуатации.

Ключевые слова: биофильный дизайн, мебель, предметная среда, эмоциональный комфорт, сенсорный комфорт, тактильное восприятие, материалы, органические формы, пользовательский опыт, эргономика.

Введение

В условиях усиливающейся урбанизации и цифровизации предметная среда всё чаще рассматривается не только как функциональный контур, но и как фактор, влияющий на психоэмоциональное состояние человека. Мебель, находясь в постоянном визуальном и тактильном контакте с пользователем, занимает в этой системе особое место. В отличие от архитектурных элементов, формирующих общее пространство, мебель задаёт локальный уровень взаимодействия и во многом определяет ощущение уюта, безопасности и телесного комфорта. Это повышает интерес к проектным подходам, способным компенсировать дефицит естественных стимулов, характерный для искусственной среды, и восстановить связь человека с природными формами и ритмами.

Концепция биофилии, возникшая в рамках экологической психологии, в последние десятилетия получила развитие в архитектуре и дизайне среды. Биофильный дизайн трактуется как интеграция природных характеристик –

прямых и опосредованных – в созданные человеком пространство. Однако при переносе этих принципов на уровень мебельного дизайна возникают методологические вопросы. Масштаб объекта, характер использования и плотность телесного контакта делают мебель не только носителем визуальных образов природы, но и участником сенсорного опыта, включающего зрительное и тактильное восприятие.

Несмотря на рост исследований по биофильному дизайну интерьеров и зданий, применение биофильных принципов в мебели нередко сводится к стилистике или к выбору «натуральных» материалов. В результате эмоциональный и сенсорный комфорт подменяется формальными признаками природности без анализа восприятия и пользовательского опыта. Это задаёт необходимость рассматривать мебель как предметный медиатор биофильных качеств, влияющих на субъективное состояние человека в повседневном использовании.

Цель статьи – проанализировать, каким образом биофильные принципы могут быть адаптированы к дизайну мебели и как они связаны с формированием эмоционального и сенсорного комфорта. Биофильный подход рассматривается как проектная логика, ориентированная на особенности восприятия и эмоционального отклика, а не как набор декоративных решений.

Теоретические основы биофильного дизайна и их интерпретация в предметной среде

Биофильный дизайн опирается на предположение о том, что предпочтения человека в отношении среды частично сформированы эволюционно и проявляются как устойчивые реакции на определённые пространственные, визуальные и сенсорные стимулы. В прикладной плоскости биофилия не сводится к «натурализации» интерьера: она включает как прямое присутствие природных компонентов, так и воспроизведение структурных признаков природной среды, считываемых на уровне восприятия. Поэтому биофильность может выражаться не только через контакт с природой, но и через косвенные характеристики, передающие природные закономерности, вариативность и ритмы.

Для предметной среды принципиальна адаптация биофильных идей к масштабу объекта и к характеру пользовательского взаимодействия. Если в архитектуре доминируют свет, видовые раскрытия и организация пространства, то в мебели на первый план выходят факторы ближнего восприятия: фактура и микрорельеф поверхности, температурное ощущение материала, гибкость, звук при контакте, ощущение «живости» древесины или ткани. Биофильность здесь проявляется через форму и материал, которые воспринимаются не только визуально, но и тактильно, что усиливает роль сенсорной эргономики.

В теоретическом описании биофильных характеристик можно различать прямые и опосредованные проявления. Прямые обычно связаны с использованием натуральных материалов или интеграцией живых элементов в конструкцию. Опосредованные проявления строятся на абстрактных признаках природы и выражаются в органических линиях, мягкой вариативности контуров, ритмах разветвления, а также в визуально-тактильных текстурах, ассоциируемых с природными поверхностями. При этом эффект таких решений не является универсальным: он зависит от контекста

использования и индивидуальной сенсорной чувствительности.

Перенос биофильных принципов в мебельный дизайн требует избегать подмены биофилии стилизацией. Прямое копирование природных форм может приводить к визуальной перегруженности и не усиливать комфорт. Более продуктивным оказывается использование природных закономерностей как проектной логики, ориентированной на тактильную понятность материалов, благоприятную температурную и акустическую реакцию поверхности и формы, поддерживающие расслабленную позу и устойчивость. В этом случае биофильность становится не декоративным слоем, а способом организации взаимодействия человека с предметом.

Методологически целесообразно различать биофильные элементы как источник эмоционального отклика и как фактор сенсорной регуляции. Эмоциональный эффект связан с восприятием естественности и ассоциативностью материалов и текстур, сенсорный – с тем, как предмет через тело влияет на напряжение, чувство опоры и субъективное ощущение комфорта. Такое различие позволяет точнее описывать, какие характеристики мебели оказываются значимыми для биофильного эффекта.

Эмоциональный и сенсорный комфорт как критерий проектирования мебели

Эмоциональный комфорт в мебельном дизайне связан с тем, какие состояния поддерживает предмет в повседневном использовании. Он определяется не столько декоративной привлекательностью, сколько способностью снижать напряжение, поддерживать чувство защищённости и формировать восприятие среды как благоприятной. В жилых пространствах это проявляется через ощущение уюта и стабильности, в общественных – через снижение напряжённости и повышение готовности к длительному пребыванию. Эмоциональный отклик формируется совокупностью факторов: формой, визуальной массой, материалом, характером контакта с телом и сценариями использования.

Сенсорный комфорт описывает качество телесного взаимодействия и включает несколько уровней. Тактильный уровень связан с микрорельефом, упругостью, трением и температурным ощущением поверхности. Проприоцептивный уровень отражает то, как конструкция поддерживает тело и распределяет нагрузку, обеспечивая ощущение устойчивости.

Акустический уровень проявляется в звуке контакта и воспринимаемой «жесткости» материала. Зрительный уровень задаёт ожидания, позволяя заранее оценить мягкость, прочность и «дружелюбность» предмета. Сенсорный комфорт усиливается, когда визуальные ожидания согласованы с реальными тактильными и кинестетическими ощущениями.

В биофильной логике эмоциональный и сенсорный комфорт тесно связаны. Материал, воспринимаемый как естественный, может усиливать доверие и ощущение спокойствия, но при неудачной обработке поверхности становится источником раздражения. Органические формы способны создавать впечатление мягкости и принятия, однако при нарушении эргономики они ухудшают поддержку тела и вызывают усталость. Поэтому критерии комфортности требуют совместного рассмотрения эстетических и физиологических параметров, а также контекста использования.

Значимой характеристикой выступает тактильная устойчивость поверхности, то есть диапазон контакта, в котором материал остаётся приятным при повторяющихся прикосновениях. Для мебели это особенно важно на участках постоянного взаимодействия: подлокотниках, спинках, столешницах, ручках и мягких элементах. Нередко именно параметры теплопередачи и трения определяют предпочтение пользователя сильнее, чем визуальный образ, что делает выбор материала и отделки центральным проектным решением.

Комфорт также зависит от того, как предмет организует поведение: позволяет ли он менять позу, регулировать дистанцию, опираться, частично отгораживаться или, напротив, оставаться открытым. Эти возможности выступают механизмом саморегуляции состояния и усиливаются правильным размещением мебели в пространстве. В биофильной перспективе это означает, что эффект достигается не единичной «натуральной» деталью, а согласованной настройкой формы, материалов и сценариев использования.

Применение биофильных принципов в дизайне мебели: проектные подходы и эффекты восприятия

Применение биофильных принципов в мебельном дизайне связано прежде всего с проектной логикой, ориентированной на сенсорное восприятие и эмоциональный отклик пользователя, а не на буквальное воспроизведение природных образов. Мебель является

элементом среды длительного и повторяющегося взаимодействия, поэтому решающими становятся нюансы формы, материала и сценария использования. Биофильный эффект формируется совокупностью характеристик, которые воспринимаются как естественные, предсказуемые и телесно комфортные.

Одним из ключевых направлений выступает работа с материалами и отделкой. Древесина, текстиль, кожа, пробка и биокомпозиты различаются по теплопередаче, упругости и тактильному отклику, что может усиливать ощущение тепла и спокойствия. Однако важен не только выбор материала, но и степень обработки: сохранение текстуры, умеренная вариативность рисунка, отсутствие избыточного глянца и резких тактильных контрастов часто воспринимаются как более «естественные» и менее утомляющие, особенно в зонах постоянного контакта.

Формообразование обычно опирается на сглаженные углы и пластичность контуров, но эффективность этих решений определяется их соответствием функции и эргономике. Плавные линии могут снижать визуальное напряжение, однако чрезмерная органичность способна нарушать поддержку тела и ухудшать ориентирование в посадке. Поэтому биофильные формы чаще работают как умеренное смещение от жесткой геометрии к вариативности, сохраняя конструктивную ясность.

Существенную роль играет и взаимодействие мебели с пространством. Предметы, допускающие вариативность использования и адаптацию под разные позы, воспринимаются как менее директивные и более «дружелюбные», что особенно заметно в общественных интерьерах. Здесь биофильность проявляется не только визуально, но и через сценарии поведения, которые мебель поддерживает, влияя на уровень напряжения и чувство контроля над средой.

Эффекты биофильной мебели чаще проявляются как снижение сенсорной утомляемости и рост готовности к длительному взаимодействию, хотя они не всегда осознаются напрямую. При этом воздействие зависит от контекста, индивидуальных предпочтений и условий использования; избыточная стилизация природных мотивов может конфликтовать с функциональными ожиданиями. Это делает важной сдержанную, проверяемую интеграцию биофильных принципов, ориентированную на качество восприятия, а не на декоративные маркеры.

Заключение

Анализ биофильных принципов в мебельном дизайне показывает, что их смысл не ограничивается природной стилистикой или выбором натуральных материалов. В предметной среде биофильность проявляется как способ организации сенсорного и эмоционального взаимодействия человека с объектом, где мебель влияет на состояние через повторяющийся телесный контакт и качество восприятия.

Эмоциональный и сенсорный комфорт формируются при согласованности формы, материала и сценариев использования. Биофильные признаки работают продуктивно, когда они встроены в функционально оправданную и эргономически устойчивую структуру; при избыточной стилизации или сенсорной перегрузке ожидаемый эффект ослабевает. Это требует проектной точности и ориентации на воспринимаемые характеристики поверхности и формы, а не на декоративные маркеры.

При этом универсальность биофильных решений ограничена: реакция на материалы и пластический язык зависит от контекста, индивидуальной чувствительности и условий эксплуатации. Поэтому биофильный подход в мебели рационально трактовать как систему настраиваемых параметров, требующую контекстного анализа и проверки в реальном пользовательском опыте.

В целом биофильный дизайн мебели может рассматриваться как инструмент повышения качества повседневной среды,

поддерживающий эмоциональное равновесие и сенсорный комфорт. Дальнейшая работа в этой области связана с уточнением механизмов восприятия и с эмпирической оценкой длительных эффектов взаимодействия с биофильными предметами.

Литература

1. Туваков М. Биофильный дизайн и связь с природой: научное обоснование и практическое применение / М. Туваков, О. Дурдыев // Вестник науки. – 2024. – № 9 (78). – Т. 3. – С. 476-479. – ISSN 2712-8849. – URL: <https://www.вестник-науки.рф/article/17325> (дата обращения: 30.01.2026).
2. Бутабекова А.С. Принципы биофильного дизайна в организации комфортного пространства / А.С. Бутабекова // Градостроительство и архитектура. – 2022. – Т. 12. – № 3. – С. 95-99. – DOI: 10.17673/Vestnik.2022.03.13.
3. Баклыская Л.Е. Биофильный дизайн: планирование устойчивой и разумной среды / Л.Е. Баклыская, К.С. Ильин // Урбанистика. – 2021. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biofilnyy-dizayn-planirovanie-ustoychivoy-i-razumnoy-sredy> (дата обращения: 30.01.2026).
4. Хоменко О.В. Биофильный дизайн: от природодефицита – к комфортной среде / О.В. Хоменко // Визуальная культура. Искусство. Дизайн. Медиа технологии: материалы XXIV Всерос. науч.-практ. конф. (15 мая 2025 г., Омск, Россия). – Омск: ОмГТУ, 2025. – С. 140-145.

SAVELIEVA Anastasia Alexandrovna

Interior and Furniture Designer, Academy of Art University, USA, San Francisco

BIOPHILIC PRINCIPLES IN FURNITURE DESIGN AS A DRIVER OF EMOTIONAL AND SENSORY COMFORT

Abstract. *This paper examines how biophilic principles can be applied to furniture design with a focus on users' emotional and sensory comfort. The biophilic approach is discussed as a design logic grounded in perception and repeated bodily interaction rather than a set of decorative "nature-like" cues. The analysis highlights the role of near-field sensory parameters, including surface texture and microrelief, thermal and acoustic material responses, form plasticity, and use scenarios. The paper argues that biophilic solutions are most effective when ergonomic performance, functional structure, and sensory qualities are aligned, whereas excessive stylization may reduce comfort and increase fatigue. The discussion emphasizes the context-dependent nature of biophilic effects and the need to assess them through user experience and real-world conditions of use.*

Keywords: *biophilic design, furniture, object environment, emotional comfort, sensory comfort, tactile perception, materials, organic forms, user experience, ergonomics.*

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

БАШКАТОВА Алина Сергеевна

студентка, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина,
Россия, г. Краснодар

*Научный руководитель – доцент кафедры административного и финансового права
Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина,
кандидат юридических наук Чернов Юрий Иванович*

НЕЗАКОННАЯ ДОБЫЧА ЯНТАРЯ, НЕФРИТА И ДРУГИХ ДРАГОЦЕННЫХ КАМНЕЙ

Аннотация. Статья посвящена изучению сложных аспектов юридической оценки действий, квалифицируемых согласно статье 7.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: янтарь, нефрит, административная ответственность, незаконная добыча, лицензия, правонарушение.

Административные проступки, касающиеся вопросов лицензирования и выдачи разрешений на осуществление определенных видов деятельности, предусмотрены различными статьями Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ). К числу таких нарушений относится самостоятельная, несанкционированная разработка месторождения янтаря, нефрита либо прочих полудрагоценных камней, ответственность за которую установлена в статье 7.5 главы 7 КоАП РФ.

Недра территории Российской Федерации находятся исключительно в федеральной собственности, из этого следует, что только государственные органы имеют полномочия распоряжаться землями и природными ресурсами. Для частных лиц доступ к таким ресурсам возможен только посредством заключения специальных договоров или приобретения соответствующих разрешительных документов (лицензий). Отсутствие указанных документов влечет признание действий в отношении недр неправомерными.

Янтарь, нефрит и прочие полудрагоценные минералы классифицируются как полезные ископаемые, чье освоение регламентируется федеральным законом РФ № 2395-1 от 21 февраля 1992 г. «О недрах». Законодательством

предусмотрен специальный порядок, предусматривающий обязательное получение субъектом хозяйственной деятельности специальной лицензии для осуществления мероприятий по извлечению рассматриваемых видов природных богатств. Соответственно, любые операции по разработке этих ресурсов вне рамок официально выданных разрешительных документов квалифицируются как самовольная добыча.

Далее рассмотрим определение понятия «добыча», поскольку оно непосредственно определяет объективную составляющую состава административного нарушения.

Так, согласно трактовке Цитрит О. А. и Кочелева А. А., добыча полудрагоценных камней, включая янтарь и нефрит, представляет собой сложный многоэтапный процесс, включающий не только непосредственное изъятие сырья из земли, но и целый ряд вспомогательных процедур.

Аналогично, Чистякова Л. В., Амелин Р. В. и Колоколов А. В. отмечают, что понятие «добычи» в рамках административной ответственности охватывает полный цикл операций, начиная от разведки месторождений и заканчивая транспортировкой и реализацией камня.

Разработка месторождения начинается с этапа геологического изыскания, которое

предполагает применение различных технологий для выявления залежей полезных ископаемых. Затем, после обнаружения потенциального участка, осуществляется подготовка к промышленной эксплуатации, которая может включать мероприятия по бурению скважин, проведению взрывных работ и подготовке местности для дальнейшего функционирования предприятий.

Процесс добычи полудрагоценных камней, таких как янтарь и нефрит, подразумевает соблюдение строгих технических требований, начиная от выбора подходящего оборудования (экскаваторов, бульдозеров) и заканчивая правильной организацией всех этапов переработки сырья. Важно учитывать условия правильного складирования добытого материала, обеспечивающего сохранность его качеств и предотвращающее повреждения.

Следующим важным этапом является транспортировка добытых камней, которая должна проводиться аккуратно, чтобы предотвратить возможные механические повреждения при перевозке к месту дальнейшей переработки. Завершающим этапом является продажа, осуществляемая либо оптом крупным покупателям, либо розницей конечному потребителю, часто сопровождаемая дополнительной обработкой и изготовлением украшений.

Из всего вышесказанного видно, что процесс добычи состоит не только из физического извлечения минералов, но и включает ряд взаимосвязанных процессов. Любое нарушение установленных норм или отсутствие необходимых разрешений автоматически превращает любую операцию по добыче в состав преступления. Ответственность за подобные деяния предусмотрена как административным правом, так и Уголовным кодексом Российской Федерации, в зависимости от тяжести совершенного правонарушения.

При анализе природы преступлений важно отметить форму вины правонарушителей: сложность процедуры и объем подготовленных действий делают невозможным случайное совершение подобного правонарушения, а значит, вина носит осознанный характер. Субъекты подобных правонарушений могут быть представлены как юридическими лицами, так и физическими, действующими индивидуально или коллективно.

Итак, ключевым моментом при квалификации самовольной добычи является подтверждение факта отсутствия необходимого

разрешения и намеренного характера преступных действий, что создает основания для привлечения виновных к юридической ответственности.

Разумным представляется установление формы вины правонарушителей: такое деяние возможно исключительно в форме прямого умысла вследствие сложной организации и значительных объемов процесса добычи. Субъектами нарушения могут выступать как граждане, так и организации.

При квалификации действий, связанных с несанкционированной добычей полудрагоценных минералов, важным становится признание с несанкционированной добычей полудрагоценных минералов, важным моментом становится признание факта их противозаконности, которое влечет за собой наступление ответственности либо характера, либо уголовного порядка в зависимости от особенности конкретного случая.

Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 500-ФЗ внесены поправки в статьи 191 и 255 Уголовного кодекса Российской Федерации. Согласно изменениям в статье 191 УК РФ, теперь уголовная ответственность предусматривается не только за нелегальное обращение драгоценных металлов, природных алмазов и жемчуга, но и за совершение сделок с материалами, добытыми незаконно, включая янтарь, нефрит и прочие полудрагоценные камни. Помимо этого, установлена ответственность за незаконное хранение, перевозку или отправку указанных материалов теми гражданами, которые ранее привлекались к административной ответственности за подобные деяния согласно положениям статьи 7.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Согласно нововведениям в Уголовный кодекс Российской Федерации, можно сделать вывод, что привлечение к уголовной ответственности возникает в результате повторного нарушения положений Кодекса об административных правонарушениях, связанного с совершением сделок, предметом которых являются ценности, добытые незаконным путем. Сам процесс добычи, включающий разработку месторождений вплоть до хранения добытого материала, исходя из смысла ст. 191 УК РФ, не ведет к возникновению уголовной ответственности.

Вместе с тем, ст.255 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за

самостоятельную добычу янтаря, нефрита и других полудрагоценных камней, если виновное лицо было ранее привлечено к административной ответственности за подобное правонарушение.

Центральным фактором в квалификации преступления выступает именно фактор повторности нарушения закона. Возникают трудности при определении вида юридической ответственности: согласно ч.4.6 КоАП РФ, лицо признается подвергшимся административному взысканию в течение одного года с момента исполнения вынесенного решения. Этот юридически значимый аспект оказывает ключевое влияние на квалификацию случаев самовольной добычи полудрагоценных камней. То есть уголовная ответственность возможна

лишь тогда, когда с момента исполнения предыдущего постановления прошла меньше года, иначе речь идет об административном проступке.

Литература

1. Еськин Д.В. Самовольная добыча полудрагоценных камней как правонарушение в области лицензионно-разрешительной деятельности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 6-1 (93).
2. Котова А.А. К вопросу об уголовной ответственности за незаконный оборот драгоценных металлов, драгоценных и полудрагоценных камней // Евразийская адвокатура. 2021. № 3 (52).

BASHKATOVA Alina Sergeevna

Student, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Russia, Krasnodar

Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Candidate of Law Chernov Yuri Ivanovich

ILLEGAL EXTRACTION OF AMBER, NEPHRITE AND OTHER PRECIOUS STONES

Abstract. *The article is devoted to studying complex aspects of legal evaluation of actions qualified under Article 7.5 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation.*

Keywords: *amber, nephrite, administrative liability, illegal extraction, license, offence.*

ВЕЛИКАНОВА Светлана Сергеевна

магистрантка,

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Россия, г. Тамбов

ПРИВЛЕЧЕНИЕ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРУШЕННЫХ ПРАВ КРЕДИТОРОВ

***Аннотация.** Статья посвящена одному из основных механизмов восстановления нарушенных прав кредиторов в рамках дел о несостоятельности (банкротстве). В статье рассматриваются основания для привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности. Проводится анализ судебной практики. Приводятся статистические данные использования исключительного механизма на практике.*

***Ключевые слова:** банкротство, субсидиарная ответственность, контролирующее должника лицо.*

С каждым годом количество поданных заявлений о привлечении контролирующих должника лиц (далее – КДЛ) к субсидиарной ответственности растет. «Так по данным статистического релиза Федресурса за 2024 год подано 6 247 таких заявлений на 411,9 млрд рублей, что в два раза больше количества заявлений, поданных в 2016 году (2 698)» [1].

Одной из ключевых причин, способствующих увеличению числа дел о субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника, является низкий уровень правовой грамотности и образования среди населения. Многие граждане не имеют достаточного понимания своих прав и обязанностей. Это наглядно иллюстрируется случаями привлечения к субсидиарной ответственности за недостаточное ведение или искажение документации (пункт 4 статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [2].

Негативный опыт и высокий риск привлечения к субсидиарной ответственности провоцируют контролирующих должника лиц уходить в тень и вести бизнес с помощью номинальных руководителей. Низкий уровень экономической культуры и правовой образованности приводит к негативным последствиям заключения договоров на невыгодных условиях. В надежде заработать должники, обладая признаками несостоятельности (банкротства), вместо подачи заявления о несостоятельности в арбитражный суд продолжают вести деятельность, не предупреждая будущих кредиторов о реальном экономическом положении компании.

Значимость института субсидиарной ответственности КДЛ обусловлена целым рядом факторов.

В первую очередь внесением соответствующих изменений в Закон о банкротстве. Так, Федеральный закон от 29.07.2017 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (далее – Закон 266-ФЗ) изменил правовое регулирование привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности по обязательствам должника. «Пунктом 3 статьи 1 Закона 266-ФЗ признана утратившей силу статья 10 Закон о банкротстве, регулирующая ответственность должника и иных лиц в деле о банкротстве, а пунктом 14 статьи 1 Закона 266-ФЗ Закон о банкротстве дополнен главой III.2 «Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве» [2].

Практический интерес к проблематике привлечения к субсидиарной ответственности вызван тем, что бенефициары экономической деятельности должника несут риск обращения взыскания на свое имущество по долгам должника, а кредиторы получают реальную возможность восстановления экономического баланса, нарушенного недобросовестными действиями должника и (или) контролирующими его лицами.

По общему правилу пункта 1 статьи 61.16 Закона о банкротстве «заявления о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц подлежат

рассмотрению арбитражным судом в деле о банкротстве должника» [2].

Вместе с тем, «согласно пункту 1 статьи 61.19 Закона о банкротстве, «если после завершения конкурсного производства или прекращения производства по делу о банкротстве лицу, которое имеет право на подачу заявления о привлечении к субсидиарной ответственности и требования которого не были удовлетворены в полном объеме, станет известно о наличии оснований для привлечения к субсидиарной ответственности, предусмотренной статьей 61.11 Закона о банкротстве, оно вправе обратиться в арбитражный суд с иском вне рамок дела о банкротстве.» [2].

Критерии установления статуса КДЛ определены статьей 61.10 Закона о банкротстве и подробно раскрыты в пунктах 3–7 постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 [3].

Значимость действий контролирующих должника лиц (КДЛ) для его финансового состояния служит ключевым фактором при решении вопроса о привлечении этих лиц к субсидиарной ответственности.

Для определения существенности влияния действий КДЛ необходимо установить, были ли эти действия необходимыми и достаточными для наступления фактического банкротства должника.

Причины, по которым КДЛ могут способствовать банкротству должника (риски для должника – выгоды для КДЛ):

- стремление извлечь максимальную выгоду из деятельности подконтрольной организации за счёт кредиторов;
- уклонение от погашения задолженности перед кредиторами, включая обязательные платежи;
- предотвращение обращения взыскания на активы должника или самого КДЛ.

Если банкротство должника произошло не из-за недобросовестных действий контролирующих лиц (КДЛ), а из-за внешних факторов (экономических или других обстоятельств, которые значительно повлияли на финансовое состояние должника), и КДЛ не могли это контролировать, то оснований для привлечения их к субсидиарной ответственности нет.

Также нет оснований для привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности, если их действия (или бездействие), которые привели к негативным последствиям для должника, не выходили за рамки обычного делового риска и

не были направлены на нарушение прав и законных интересов всех кредиторов.

Если же недобросовестные действия (или бездействие) контролирующего лица (или нескольких лиц) стали непосредственной причиной банкротства, то применяются нормы о субсидиарной ответственности.

В том случае, «когда причиненный КДЛ вред, исходя из разумных ожиданий, не должен был привести к объективному банкротству должника, такие лица обязаны компенсировать возникшие по их вине убытки в размере, определяемом по правилам статей 15, 393 ГК РФ», что прямо закреплено пунктом 20 постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 [3].

При анализе достаточности действий контролирующих должника лиц (КДЛ) для наступления объективного банкротства следует учитывать, что в случае совместного участия нескольких КДЛ в доведении компании до банкротства, они несут солидарную субсидиарную ответственность в соответствии с пунктом 8 статьи 61.11 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" и абзацем первым статьи 1080 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Для установления факта совместного участия КДЛ необходимо доказать наличие согласованности, скоординированности и направленности их действий на достижение общей цели, что подразумевает соучастие в любой форме, включая соисполнительство, пособничество и другие формы содействия. До тех пор, пока не будет представлено доказательств обратного, действия нескольких аффилированных КДЛ предполагается рассматривать как совместные.

Привлечение к субсидиарной ответственности осуществляется на основании учета контроля, недобросовестных действий и получения экономически необоснованной выгоды за счет должника в течение трехлетнего периода, предшествующего возникновению признаков банкротства. При этом ответственность может быть возложена как на лицо, осуществлявшее фактический контроль над должником и использовавшее свои властные полномочия во вред кредиторам, так и на лицо, извлекавшее существенную выгоду в виде увеличения или сбережения активов, которая не могла бы быть достигнута при соблюдении законодательства и принципов добросовестности.

Материально-правовые нормы, регулирующие порядок привлечения к субсидиарной

ответственности, применяются на момент совершения действий, которые влекут за собой основания для привлечения к ответственности.

«Законодательное регулирование использования механизма СО:

- за невозможность полного погашения требований кредиторов (статья 61.11 Закона о банкротстве);
- за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника (статья 61.12 Закона о банкротстве);
- за нарушение банкротного законодательства (статья 61.13 Закона о банкротстве);
- за убытки, причиненные должнику, по основаниям, предусмотренным корпоративным законодательством (статья 61.20 Закона о банкротстве);
- предусмотренная гражданским законодательством о юридических лицах (статья 53.1 ГК РФ, статья 71 Закона об акционерных обществах, пункт 3.1 статьи 3, статья 44 Закона об обществах с ограниченной ответственностью)» [1].

«В обозначенных правовых рамках раскрываются (определяются):

- вменяемый КДЛ деликт,
- размер причиненного вреда,
- причинно-следственная связь между деликтом и наступлением банкротства должника, в том числе при применении презумпций, установленных пунктом 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве» [1].

Однако по результатам анализа сложившейся судебной практики установлено, что одним из самых частых причин привлечения к субсидиарной ответственности КДЛ является перевод активного бизнеса на новое юридическое лицо, оставив прежнюю компанию с долгами.

«Верховный Суд Российской Федерации в Определении судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26.01.2022 № 304-ЭС17-18149 по делу № А27-22402/2015 выработал правовой подход по вопросу фактического перевода бизнеса с одного юридического лица на другое, согласно которому сам по себе осуществляемый контролирующими лицами перевод бизнеса с одного лица на другое, как правило, носит недобросовестный характер, так как зачастую сопровождается неоплатой долгов перед

кредиторами первой компании с лишением их возможности получить удовлетворение в банкротных процедурах. Это происходит по той причине, что помимо передачи имущественного комплекса (который имеет самостоятельную ценность и может быть реализован с торгов) на новое лицо переводятся также персонал и иные бизнес-процессы, в совокупности позволяющие генерировать доход и оплачивать долги перед кредиторами» [4].

Таким образом судебной практикой выработаны специальные не указанные в действующем законодательстве деликты, влекущие за собой привлечение к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих деятельность должника, получившие в обороте названия «перевод бизнеса».

Если говорить, по существу, то «перевод бизнеса» – явление, требующее незамедлительного четкого оформления пределов реализации права кредиторов на такого рода защитные меры.

Литература

1. Федресурс. – Сайт – URL: <https://fedressurs.ru/news> (дата обращения 29.03.2025).
2. Федеральный закон от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ, 05.01.2009. № 1.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // 12 декабря 2017. Российская газета – Федеральный выпуск № 297 (7447). URL: <https://rg.ru/gazeta/2017/12/12.html>. (дата обращения 29.09.2025).
4. Дело № А27-22402/2015. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26.01.2022 № 304-ЭС17-18149 Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»: Сайт // consultantplus://offline/ref=50881DD20D5F6C9DF8398D811E97B550A0BFBC0DECDF8B6C863CDC8286BDF90C90E43BD9C14A051A1C24C144972AEFC71F553C9F5C2CEF2350A0DEx0M (дата обращения 02.04.2025).

VELIKANOVA Svetlana Sergeevna

Graduate Student, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Russia, Tambov

**BRINGING PERSONS CONTROLLING THE DEBTOR
TO SUBSIDIARY RESPONSIBILITY AS AN EXCEPTIONAL MECHANISM
FOR RESTORING VIOLATED CREDITORS' RIGHTS**

***Abstract.** The article is devoted to one of the main mechanisms for restoring violated creditors' rights in the framework of insolvency (bankruptcy) cases. The article discusses the grounds for bringing people controlling the debtor to subsidiary liability. The analysis of judicial practice is carried out. Statistical data on the use of the exceptional mechanism in practice are presented.*

***Keywords:** bankruptcy, subsidiary liability, the person controlling the debtor.*

ДАНИЛЕНКО Юлия Александровна

студентка, Московский финансово-юридический университет, Россия, г. Москва

*Научный руководитель – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
Московского финансово-юридического университета Моисеенко Ирина Анатольевна*

ПРАВОВОЙ ДУАЛИЗМ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В ПРОЦЕДУРАХ БАНКРОТСТВА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируется современное состояние правового регулирования и правоприменительной практики банкротства индивидуальных предпринимателей в Российской Федерации.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, индивидуальный предприниматель, конкурсная масса, оспаривание сделок, аффилированность, добросовестность, освобождение от обязательств, обособленные споры, арбитражный управляющий.

Банкротство индивидуального предпринимателя является одним из наиболее «пограничных» институтов российского частного права. По своей природе Индивидуальный предприниматель – гражданин, но одновременно профессиональный участник оборота, действующий на свой риск и вступающий в коммерческие отношения с повышенным стандартом осмотрительности. Именно эта двойственность объясняет, почему механическое применение модели «банкротства гражданина» к Индивидуальному предпринимателю нередко дает противоречивые результаты: с одной стороны, процедура должна обеспечивать возможность экономической реабилитации и «второго шанса»; с другой – должна эффективно пресекать вывод активов и фиктивное формирование задолженности.

Актуальность темы усиливается двумя обстоятельствами. Во-первых, в 2021–2025 годах судебная практика демонстрирует заметное усиление доказательственных стандартов по делам о банкротстве граждан, которые по инерции переносятся и на Индивидуального предпринимателя: суды чаще проверяют экономический смысл сделок, происхождение денежных средств, аффилированность и реальность исполнения. Во-вторых, банкротство Индивидуального предпринимателя структурно чаще, чем иные категории должников, затрагивает «семейный контур»: совместное имущество супругов, брачные договоры, соглашения о разделе, дарение родственникам.

Теоретические аспекты статуса ИП в процедурах банкротства

Фундаментальной проблемой теории является правовой дуализм личности ИП. С одной стороны, это гражданин, обладающий общегражданскими правами и социальными гарантиями. С другой – субъект экономической деятельности, чей риск-профиль существенно выше.

Российское законодательство придерживается принципа единства имущества гражданина. Гражданин отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом. Это означает, что при банкротстве ИП в конкурсную массу включается как имущество, использовавшееся в бизнесе, так и личное имущество, за исключением того, на которое не может быть обращено взыскание.

Теоретический вопрос заключается в том, насколько справедливо применение одинаковых критериев освобождения от долгов к «потребительскому» банкроту и к предпринимателю, чьи долги часто связаны с осознанным коммерческим риском.

В научных работах проблема соотношения банкротства ИП и банкротства физических лиц выделяется как системная (Исаев М. А.; Анохин С. А., Лапин А. Н.). Практическая сложность заключается в том, что единых критериев оценки (по цели кредита, характеру контрагента, использованию результата сделки) недостаточно закреплено на нормативном уровне, а суды формируют подходы через оценку совокупности обстоятельств.

Целесообразно развивать унификацию критериев квалификации обязательств ИП через разъяснения и обобщения практики (например, минимальный перечень индикаторов: экономическая цель, движение средств, учет операции, связь с выручкой/расходами бизнеса, наличие деловой цели).

Проблемы правоприменительной практики

На практике часто возникает сложность в квалификации обязательств. Судебная практика (в частности, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45) указывает, что в деле о банкротстве ИП учитываются как «бизнес-долги», так и личные обязательства (например, по алиментам или за причинение вреда). Однако очередность и специфика исполнения этих требований до сих пор вызывают споры, особенно в части требований, неразрывно связанных с личностью.

Для ИП вопрос сохранения имущества стоит острее, чем для юридических лиц. Конфликт интересов между кредиторами, желающими реализовать дорогостоящее жилье должника, и конституционным правом на жилище является одной из «горячих» точек практики. После принятия Постановления КС РФ от 26.04.2021 № 15-П суды стали чаще допускать возможность предоставления замещающего жилья, что требует от арбитражных управляющих тщательного анализа того, было ли жилье приобретено на доходы от предпринимательской деятельности в ущерб интересам кредиторов.

Также наиболее конфликтная зона банкротства Индивидуального предпринимателя - включение имущества в конкурсную массу, когда активы находятся в семейном обороте. На практике типичны:

1. Соглашения о разделе имущества и брачные договоры, заключенные незадолго до банкротства;
2. Формальная регистрация имущества на супруга при фактическом контроле со стороны должника;
3. Дарение/продажа активов родственникам по цене, не соответствующей рынку.

Научная литература прямо фиксирует значимость оспаривания брачных договоров и семейных сделок в контексте банкротства (Горбачева Е. В.), а также общую проблематику банкротства супругов (Головина И. В.).

Сейчас суды чаще требуют от стороны, заявляющей «личный режим имущества», подтверждения источника средств (наследство,

дарение, добрачные накопления) и реальности встречного предоставления при разделе имущества. Иными словами, формальные документы без экономического содержания (или без понятного источника средств) перестают быть достаточными.

Оспаривание сделок ИП в банкротстве часто связано не только с возвратом имущества, но и с оценкой общего поведения должника. Типовые модели:

1. Предпочтительное удовлетворение требований «своего» кредитора;
2. Отчуждение активов накануне процедуры;
3. Фиктивные договоры услуг/подряда без реального результата.

Вопрос добросовестности приобретателя (покупателя) становится критическим для судьбы имущества: суды оценивают не только наличие договора и оплаты, но и признаки осведомленности о проблемах должника, рыночность цены, деловую цель. Научный акцент на критериях добросовестности приобретателя отражен в работах Шевченко А. С.

Центральная «развилка» процедуры для ИП – освобождение от обязательств. Практика 2021–2025 годов показывает: освобождение воспринимается как правовое последствие добросовестного поведения, а не автоматический итог завершения процедуры.

Банкротство индивидуальных предпринимателей сохраняет высокую степень конфликтности из-за единства имущества гражданина и бизнес-активов, а также из-за активного вовлечения семейных правоотношений и аффилированных связей. Тенденции 2021–2025 годов в правоприменении характеризуются усилением доказательственных стандартов, более строгой оценкой «дружественных» требований, повышенным вниманием к семейным сделкам и ростом значимости добросовестности при решении вопроса об освобождении от обязательств. Научные публикации последних лет фиксируют аналогичные проблемные узлы и поддерживают вывод о необходимости унификации критериев квалификации долгов ИП, усиления определенности по конкурсной массе и семейным активам, а также развития эффективных процессуальных механизмов сохранения имущества.

Литература

1. Истомин В.Г. Институт несостоятельности (банкротства) индивидуальных предпринимателей: понятие, эволюция, правовая

природа и перспективы развития. Государство и право. 2024. № 8. С. 153-162.

2. Банкротство граждан и индивидуальных предпринимателей: сравнительно-правовой анализ Анохин С.А., Лапин А.Н. Вестник Академии управления и производства. 2024. № 4-2. С. 109-116.

3. Трунина Е.Ю. Актуальные проблемы банкротства индивидуальных

предпринимателей. Человек. Социум. Общество. 2025. № 2. С. 141-148.

4. Исупова М.А. Актуальные проблемы правового регулирования несостоятельности (банкротства) индивидуальных предпринимателей. Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 7-1.

DANILENKO Yulia Aleksandrovna

Student, Moscow University of Finance and Law, Russia, Moscow

*Scientific Advisor – Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines
at Moscow University of Finance and Law Moiseenko Irina Anatolyevna*

LEGAL DUALISM OF AN INDIVIDUAL ENTREPRENEUR IN BANKRUPTCY PROCEEDINGS: PROBLEMS OF THEORY AND LAW ENFORCEMENT

Abstract. *The article analyzes the current state of legal regulation and law enforcement practice of bankruptcy of individual entrepreneurs in the Russian Federation.*

Keywords: *bankruptcy, insolvency, sole proprietor, bankruptcy estate, challenging transactions, affiliation, good faith, release from obligations, separate disputes, insolvency practitioner.*

10.5281/zenodo.18404719

ЕНЧИК Александр Геннадьевич

студент, Московский университет «Синергия», Россия, г. Москва

*Научный руководитель – заведующий кафедрой уголовного и публичного права
Московского университета «Синергия», кандидат юридических наук,
доцент Байбарин Андрей Андреевич*

СОВРЕМЕННЫЕ СРЕДСТВА ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Аннотация. В статье исследуются проблемы использования цифровых доказательств (электронные документы, данные соцсетей, блокчейн) в гражданском процессе РФ. Анализ показывает, что существующие нормы ГПК РФ устарели и не соответствуют новым технологическим реалиям, что создаёт трудности при определении допустимости, достоверности и исследовании таких доказательств. Обосновывается необходимость перехода от точечных поправок к созданию целостной «цифровой процессуальной формы» для эффективной интеграции новых технологий в судопроизводство.

Ключевые слова: гражданский процесс, цифровые доказательства, средства доказывания, допустимость доказательств, достоверность доказательств, электронные документы, блокчейн, искусственный интеллект (ИИ), цифровая процессуальная форма, Гражданский процессуальный кодекс РФ (ГПК РФ), судебная практика, Big Data, Интернет вещей (IoT).

Иntenсивная цифровая трансформация, пронизывающая все сферы жизни современного общества, закономерно затрагивает и область права, формируя новые реалии для гражданского судопроизводства. Традиционный процесс, веками опиравшийся на материальные носители и устные показания, сегодня все чаще сталкивается с необходимостью работы с доказательствами, существующими исключительно в виртуальном пространстве. Прецедентное право в США позволяет регулировать цифровые доказательства исходя из вытекающих решений, на которые в дальнейшем судебная система может опираться помимо отступающих от реальности законодательных актов. Это обстоятельство выдвигает на первый план вопрос об эволюции института судебного доказывания в Российской Федерации, делая исследование его современных средств не просто актуальным, а практически императивом для юридического сообщества [19, с. 95].

Актуальность рассматриваемой темы многогранна. Прежде всего, она обусловлена самим фактом появления принципиально новых источников сведений о фактах. Речь идет не просто об оцифрованных копиях бумажных

документов, а о нативных цифровых артефактах: цепочках переписки в мессенджерах, публикациях и метаданных из социальных сетей, данных с фитнес-трекеров, записях с камер онлайн-сервисов или следах в блокчейне [42, с. 171-176; 43, с. 165-170]. Эти формы информации плохо вписываются в классические процессуальные конструкции, порождая неизбежный разрыв между динамичной практикой и консервативными нормами Гражданского процессуального кодекса РФ. Именно эта новизна и недостаточная урегулированность могут провоцировать у судей скепсис или технические сложности, что в итоге напрямую влияет на эффективность защиты нарушенных прав и требует своевременных точечных поправок нормативно-правовых актов [2, с. 316; 9, с. 176; 47, с. 190-193].

Научный дискурс по данной проблематике в последние годы отличается значительной активностью, что отражено в представленном библиографическом обзоре. Рост числа публикаций, посвященных электронным доказательствам (2020–2026 гг.), свидетельствует о признании масштаба вызова [1, с. 120-130; 8; 11; 23, с. 36-42; 24, с. 112-128]. Однако анализ

литературы позволяет сделать вывод о ее определенной фрагментированности. Многие работы сосредотачиваются на конкретных видах цифровых доказательств – например, доказательствах из соцсетей, переписка, эмодзи [2, с. 45-48; 16, с. 105-114; 17, с. 1176-1181; 40, с. 65-70; 46, с. 391-399]. Комплексные исследования рассматривают современные средства доказывания как целостный феномен, требующий системной адаптации процессуального инструментария [9; 11; 34, с. 70-76]. Таким образом, сохраняется потребность в работе, которая синтезировала бы разрозненные аспекты, предложив целостную картину процессуального режима и актуального перечня цифровых доказательств в его контексте [5; 10, с. 160-166; 41, с. 51-62].

Для реализации данной цели необходимо последовательно решить ряд задач:

1. Осуществить содержательную систематизацию и классификацию современных средств доказывания, опираясь на положения ГПК РФ и сложившуюся судебную практику, определив их правовой статус.

2. Исследовать специфику процессуального обращения с цифровыми доказательствами на каждом этапе: от обеспечения и представления до непосредственного исследования в судебном заседании и окончательной оценки по критериям относимости, допустимости и достоверности [4, с. 28-34; 18, с. 71-77; 26, с. 1-9].

3. Сформулировать и проанализировать ключевые проблемы, затрудняющие интеграцию цифровых доказательств. В фокусе внимания окажутся вопросы обеспечения аутентичности, соблюдения процедуры приобщения, а также сохранения баланса между эффективностью доказывания и гарантиями защиты частной жизни [48, с. 223-224].

4. Оценить новые тенденции, такие как использование технологий искусственного интеллекта для анализа доказательств, и связанные с этим этические и доказательственные риски [28, с. 188-191; 45, с. 1365-1368].

5. На основе проведенного анализа предложить конкретные рекомендации для правоприменителей, направленные на формирование единообразной и технологически грамотной практики, а также обозначить возможные векторы развития законодательства.

1. Теоретические основы и классификация современных средств доказывания: от «бумаги» к «цифре»

Попробуйте направить в суд с распечатку переписки из WhatsApp. Скорее всего, первым вопросом судьи будет вопрос о заверении, либо ее оспорит ваш оппонент. Этот простой пример вскрывает главную теоретическую проблему: наше правовое мышление все еще привязано к материальному носителю. Но мир уже изменился. Современное средство доказывания – это, по сути, информация о факте, зафиксированная в цифровой среде и представляющая ценность для установления истины по делу. Однако ГПК РФ, дающий традиционное определение доказательств как «сведений о фактах» [ст. 55 ГПК РФ], оставляет за скобками их новую, цифровую природу. Законодатель лишь постфактум отнес электронные документы к письменным доказательствам [ст. 71 ГПК РФ], а точечное закрепление положений об электронных документах приводится в постановлении Пленума ВС РФ № 10 от 23 апреля 2019 г.

Это приводит к путанице на практике. Что такое, например, сторис в Instagram – вещественное доказательство или документ? А данные о местоположении (геолокация) с телефона? Чтобы не запутаться, необходимо посмотреть на проблему с практической точки зрения. Все современные средства доказывания можно условно разделить на три большие группы, в зависимости от того, какую «традиционную» форму они пытаются заменить или дополнить.

1.1. «Цифровые документы»: когда подпись заменяет хэш

Это самый понятный для судов пласт. Сюда относится всё, что можно распечатать и положить в дело: договоры в различных электронных форматах (PDF, docx и т. д.), электронные письма, скриншоты страниц, выписки из государственных реестров (ЕГРЮЛ, ЕГРИП) [3, с. 91; 30, с. 275-276]. По букве закона это – письменные доказательства. Но их ахиллесова пята – аутентичность. Росчерк пера заменила электронная подпись, но как доказать, что она принадлежала именно стороне спора? Или что файл не редактировался после отправки? Эти вопросы упираются не столько в теорию, сколько в технические процедуры заверения и проверки, которые еще только формируются [18, с. 73-74; 21, с. 148-155].

1.2. «Цифровые следы»: доказательства, которые не видны глазу

А вот это – настоящая терра инкогнита для классического процесса. К этой группе относится то, что нельзя просто «распечатать». Это метаданные: скрытая информация о том, когда и с какого устройства был создан файл, история изменений в онлайн-документе, лог звонков от оператора связи, IP-адреса [11]. Это также данные с интернета вещей: показания датчиков «умного дома», история поездок из приложения такси, активность с фитнес-браслета [49, с. 86]. Их главная особенность – они процессуально бесформенны. Чтобы представить их суду, их нужно облечь в приемлемую форму: заключение эксперта, протокол осмотра носителя или, что чаще, справку от специалиста [6, с. 76-84; 11, с. 58-65]. Они – не документы, а источники сведений, требующие особой процедуры извлечения и интерпретации.

1.3. «Цифровые артефакты»: новая реальность, для которой нет, правил

Самая молодая и сложная категория. Это доказательства, рожденные внутри новых технологических экосистем:

- **Данные блокчейна:** транзакции криптовалют, записи в смарт-контрактах. Их сила в технической неизменяемости, но как убедить в этом судью? Чаще всего они представляются как распечатка с указанием хэша, а для объяснения привлекается специалист [11, с. 65; 43].

- **Контент из виртуальных сред:** записи стримов, внутриигровые скриншоты, переговоры в голосовых чатах многопользовательских игр. Это гибрид письменного, вещественного и аудиовизуального доказательства [44, с. 110-117].

- **Генерируемый ИИ контент:** текст, изображение или видео, созданные нейросетью. Здесь встает острейший вопрос: как отличить такое «доказательство» от фальсификации и кто несет бремя доказывания его происхождения? [28, с. 188-191].

Так к чему же мы пришли? Приведенная классификация показывает, что «современное доказательство» – это не единый феномен. Это спектр: на одном конце – привычные документы в цифровой упаковке, на другом – принципиально новые сущности, стирающие границы между традиционными видами доказательств. Проблема в том, что наша процессуальная «сетка категорий» (ст. 55 ГПК РФ) плохо его улавливает. Судье и сторонам приходится каждый раз решать головоломку: во что

превратить этот цифровой объект, чтобы он стал доказательством по правилам ГПК? Ответ на этот вопрос и определяет следующий шаг – погружение в процессуальные джунгли, где теория сталкивается с судебной практикой.

2. Процессуальный режим современных доказательств: проблемы и практика

Представьте, что вы нашли в лесу редкий гриб. Вы понимаете, что он ценный, но как его приготовить? Сырым есть нельзя, варить или жарить – тоже риск. Примерно так чувствует себя юрист с «цифровым доказательством» в гражданском процессе. Сам факт её существования уже победа, но главное испытание впереди: провести её через все процедурные фильтры так, чтобы суд её принял. Процессуальный режим для современных доказательств – это не гладкая дорога по кодексу, а полоса препятствий, где на каждом этапе могут появиться различные нюансы.

2.1. Допустимость

Первая и самая жесткая развилка – это допустимость [38]. Суд обязан отбросить доказательство, даже если оно раскрывает истину, но добыто с нарушением закона [ст. 55 ГПК РФ]. В цифровом мире эта абстрактная норма обретает острые грани. Самый болезненный вопрос: а где вообще проходит граница «законности» получения [50, с. 235-243]?

Возьмем переписку в корпоративном чате. Если менеджер делает скриншот и представляет его в суд по спору с работодателем – это допустимо? А если он тайком установил программу для перехвата трафика? Практика идет по пути оценки разумных ожиданий конфиденциальности [33, с. 65-74]. Переписка в общем рабочем Telegram-канале вряд ли защищена, а личная переписка в закрытом чате – куда более чувствительна. Но четких критериев нет. Судьи вынуждены каждый раз взвешивать: интерес правосудия в установлении фактов или право лица на тайну частной жизни [14, с. 186]. Это создает серьезную правовую неопределенность: одно и то же действие в одном деле могут счесть добросовестным сбором доказательств, а в другом – недопустимым нарушением [20, с. 66-68; 27, с. 528-534; 32, с. 555-563; 34, с. 70-76; 35, с. 92-97].

Другая грань – формальная допустимость. Есть случаи, когда закон прямо требует конкретного вида доказательства. Например, нотариально удостоверенная сделка [ст. 163 ГК РФ]. Как быть с её электронным аналогом – смарт-контрактом? Пока суды смотрят на это

настороженно: блокчейн-транзакция – это всё же не нотариальное свидетельство. Получается, технологически продвинутый документ может проиграть архаичному, но понятному суду бумажному листу с печатью.

2.2. Достоверность и проверка подлинности

Допустимое доказательство ещё нужно «защитить» от атаки на его подлинность. Заявления о недостоверности электронных документов становятся обычным делом. Цифровой файл не имеет «лица», его легко изменить без видимых следов. Как суду в этом разобраться?

Здесь вступает в игру судебная компьютерно-техническая экспертиза. Она может ответить на вопросы: не менялась ли метаданная (дата создания, автор), нет ли в видеофайле признаков склейки, ведёт ли представленная ссылка на реальный источник в интернете [11, с. 63]. Но это «тяжёлая артиллерия» – дорогая и длительная. Более гибкой альтернативой становится заключение специалиста [ст. 188.1 ГПК РФ]. Специалист может оперативно, прямо в заседании, объяснить суду основы технологии и указать на «красные флаги». Однако его мнение не имеет силы экспертного заключения и остаётся лишь одним из доказательств [6, с. 126].

А что, если заранее обезопасить себя? Нотариальное обеспечение электронных доказательств (протокол осмотра сайта) сегодня – это «золотой стандарт» для придания им повышенной доказательственной силы [15, с. 219-225; 37, с. 253]. Нотариус фиксирует факт и содержание цифрового объекта в конкретный момент времени, создавая тем самым надёжную точку отсчёта. Это мощный, но не абсолютный щит: оппонент всё равно может оспаривать, что содержание сайта до осмотра было иным. Акцент смещается с подлинности файла к интерпретации действий нотариуса.

2.3. Представление и исследование в суде: Как показать судье то, чего нельзя потрогать?

Наконец, доказательство нужно не только собрать и защитить, но и представить суду в понятной ему форме. Требование представить доказательства на физическом носителе (диск, флешка) вместе с распечаткой стало общим правилом [8]. Но это порождает вопросы правильного оформления такого доказательства.

Самое интересное начинается на стадии исследования доказательств, которые сложно представить на локальном физическом

носителе в зале суда. Принцип непосредственности требует, чтобы суд лично воспринял доказательство. Но как лично воспринять алгоритм или базу данных? Практика идёт по пути демонстрации: воспроизведение аудиозаписи в зале, вывод интерфейса программы или страницы сайта на экран через видеоконференцсвязь [37, с. 44]. Судья превращается в зрителя технической презентации. Консультация специалиста прямо в заседании становится незаменимым инструментом «переводчика» между технологическим и правовым языками [6].

Но возникает парадокс: чем сложнее и технологичнее доказательство, тем больше суд зависит от пояснений сторонних специалистов. Это ставит под вопрос саму возможность независимой судебной оценки. Не превратится ли судья в пассивного регистратора мнений IT-экспертов? Этот риск – одна из самых серьёзных угроз для традиционной роли суда в цифровую эпоху.

Итог этого этапа? Процессуальный режим для цифровых доказательств сегодня – это лоскутное одеяло из старых норм, новых разъяснений и судебной импровизации. Проблемы допустимости, достоверности и исследования – это не изолированные трудности, а симптомы системного кризиса. Они показывают, что классические процессуальные конструкции трещат по швам под напором новых объектов. Законодательная «процедурная прошивка» давно устарела, и суды вынуждены действовать как первопроходцы, создавая прецеденты на ходу. В этих условиях успех юриста зависит не столько от знания статей ГПК, сколько от умения предвидеть эти процедурные ловушки и выстраивать стратегию доказывания как сложную технико-юридическую операцию.

3. Новые вызовы и тенденции: когда суд встречается с ИИ и «большими данными»

Кажется, мы только-только начали привыкать к скриншотам и электронным письмам, а горизонт уже затянут новыми, ещё более сложными тучами. Цифровое доказывание не стоит на месте – оно эволюционирует, порождая вызовы, для которых в нашем юридическом лексиконе пока нет даже четких названий. Что делать, если алгоритм искусственного интеллекта сгенерировал «доказательство»? Или если сторона ссылается не на конкретный документ, а на закономерность, выявленную в массиве из миллионов строк данных (Big Data)? Мы входим в эпоху, где традиционная логика

«документ-факт-доказательство» начинает давать сбой.

3.1. Искусственный интеллект и Big Data в доказывании: алгоритм как свидетель?

Представьте дело о дискриминации при найме. Истец представляет не переписку с HR, а отчет системы аналитики, показывающий, что алгоритм отбора резюме автоматически понижал рейтинг кандидатов определённого возраста. Или спор о качестве товара, где доказательством служит не акт экспертизы, а анализ тысяч отзывов покупателей, обработанный нейросетью на предмет выявления скрытых дефектов.

Это уже не фантастика. Big Data-аналитика проникает в судебные процессы, предлагая в качестве доказательства не единичный факт, а статистическую закономерность, тенденцию [28, с. 190]. Правовой статус такого «доказательства-паттерна» абсолютно неясен. Относимо ли оно? Можно ли проверить его достоверность, если даже специалист не в состоянии вручную перепроверить миллионы точек данных? Суд оказывается в роли человека, которому показывают итог работы «чёрного ящика» и просят принять его на веру.

Ещё острее стоит проблема с контентом, созданным ИИ (нейросетями). Deepfake-видео, фальшивые аудиозаписи голоса, поддельные документы, идеально стилизованные под реальные. Всё это можно сгенерировать за минуты. Традиционные методы экспертизы, ищущие следы монтажа, против генеративного ИИ часто бессильны. Это кардинально меняет саму природу спора о достоверности. Бремя доказывания подлинности стремительно переходит от того, кто оспаривает доказательство, к тому, кто его представляет. «Докажи, что это не ИИ-фейк» – такая формулировка скоро может стать обычной в судебных прениях.

Более того, ИИ начинает использоваться не только для создания, но и для оценки доказательств. Пилотные проекты по анализу судебной перспективы дела или даже прогнозированию решений уже существуют [28, с. 188-191]. Риск здесь – в «алгоритмической предвзятости». Если нейросеть обучалась на данных, содержащих скрытые стереотипы, она будет тиражировать их в своих выводах. Как отделить логику алгоритма от заложенной в него системной ошибки? Судья, полагаясь на такой «ассистент», может непреднамеренно узаконить цифровую несправедливость.

3.2. Этико-правовые аспекты: где проходит граница цифровой слежки?

Цифровые технологии стирают границы между публичным и частным, превращая нашу жизнь в постоянный генератор потенциальных доказательств. Данные с «умного» холодильника могут свидетельствовать о ритме жизни, история запросов в поисковике – о намерениях, а фитнес-трекер – с высокой точностью установить местоположение в спорный момент [49, с. 86]. Это золотая жила для доказывания, но и минное поле для прав человека.

Ключевой конфликт разворачивается между правом на справедливое судебное разбирательство (и вытекающим из него правом на доказательства) и правом на неприкосновенность частной жизни, защиту персональных данных [47, с. 397]. Может ли суд по иску о взыскании долга истребовать у оператора полную историю перемещений должника по геолокации? Анализ публичных постов в соцсети для оценки личности в споре об определении места жительства ребёнка, соразмерно ли это? Чётких ответов нет.

Возникает и проблема «цифрового принуждения». Суд может обязать сторону передать пароль от устройства или аккаунта под угрозой процессуальных санкций (презумпции неблагоприятных последствий). Но где грань между процессуальной обязанностью и принуждением к самоизобличению, которое противоречит фундаментальным принципам? Это этическая дилемма, которая будет только обостряться.

3.3. Перспективы развития законодательства: нужна ли нам «цифровая процессуальная форма»?

Складывается устойчивое ощущение, что точечные поправки в ГПК РФ (вроде упоминания электронных документов) уже не спасают. Многие эксперты начинают говорить о необходимости концептуального шага – разработки «цифровой процессуальной формы» [48, с. 224].

Что это могло бы означать на практике?

1. **Легализация новых процессуальных действий:** например, стандартизированный протокол дистанционного изъятия и фиксации цифровых доказательств с участием IT-специалиста, наделённого специальным статусом (аналог понятого в цифровом пространстве).

2. **Иерархия доказательственной силы цифровых объектов:** чёткие правила, определяющие, что заверенная блокчейн-запись по силе равна нотариальному действию, а данные, полученные из госинформсистемы (ЕГРН), имеют приоритет перед скриншотом.

3. **Процедурные «сейфы»:** введение в процесс цифровых «нотариальных депозитариев» - защищённых государственных платформ, куда можно загрузить спорное доказательство для гарантированного сохранения в неизменном виде и обеспечения доступа суда и сторон.

4. **Кодекс цифровой этики для суда:** закрепление на законодательном уровне принципов проверки алгоритмов, используемых в правосудии, и запрета на использование доказательств, добытых с помощью эксплойтов или вредоносного ПО.

Это звучит как утопия, но альтернатива - дальнейшее погружение в хаос, где исход дела всё сильнее зависит не от права, а от технической подкованности и ресурсов стороны для оплаты дорогих экспертиз. Цифровая реальность требует цифровых процессуальных правил [7, с. 105-111; 39, с. 160-169]. Игнорировать этот вызов - значит добровольно сдать позиции и позволить технологии диктовать свои условия правосудию, а не наоборот.

Заключение: между кодексом и кодом - к чему мы пришли?

Продираясь через дебри классификации, процессуальные допустимости и футуристические ландшафты ИИ, мы проделали путь, который напоминает не спокойное академическое плавание, а скорее юридический треккинг по неизведанной цифровой территории. Какие же основные вехи мы наметили на этой карте? Давайте расставим точки над *i*, с пониманием, что эти выводы - не финал, а скорее снимок быстро меняющейся реальности.

Подытоживая, можем назвать цифровое доказательство системным вызовом. Главный вывод, который красной нитью проходит через различные работы авторов, прост и сложен одновременно: современные средства доказывания перестали быть просто «новым видом старых доказательств». Они стали самостоятельным явлением [12, с. 1190-1197; 13, с. 31-35; 22; 25, с. 74-79; 31], которое системно испытывает на прочность гражданский процесс. Это очевидно:

1. **Теория отстаёт от практики.** Законодательная «сетка» видов доказательств (ст. 55, 71 ГПК РФ) плохо улавливает сущность цифровых следов, артефактов и Big Data-паттернов. Суды и юристы вынуждены заниматься подгонкой и импровизацией, каждый раз изобретая процедуру заново.

2. **Процедура стала полем битвы.** Вопросы допустимости (где граница законного сбора?) и достоверности (как отличить оригинал от фейка?) превратились из технических деталей в ключевые стратегические пункты судебного спора. Побеждает часто не тот, у кого больше прав, а тот, кто грамотнее «упаковал» и защитил своё цифровое доказательство.

3. **На горизонте – вызовы, для которых в нормативных актах нет ответов.** Генеративный ИИ, Big Data-аналитика, данные интернета вещей – это уже не будущее, а настоящее. Они ставят под сомнение базовые принципы: что есть факт, если его выявил алгоритм? Как оценить достоверность данных, которые физически невозможно проверить человеку?

На основе этого анализа можно сформулировать несколько конкретных, «приземлённых» выводов, полезных не только для теории, но и для судебного зала:

- Для законодателя: пора переходить от точечных поправок к разработке основ цифровой процессуальной формы. Нужны чёткие правила для новых объектов (блокчейн, IoT), статус специалиста по цифровым данным и процедуры обеспечения доказательств в сети. Без этого судебная практика так и останется «лоскутной».

- Для судей: критически важно развивать технологическую грамотность не на уровне пользователя, а на уровне понимания основных принципов. Не обязательно знать, как работает хэш-функция, но необходимо понимать, зачем назначается экспертиза для её проверки. Активное использование института специалиста (ст. 188.1 ГПК РФ) должно стать нормой, а не исключением.

- Для практикующих юристов: стратегия доказывания теперь должна включать цифровой аудит дела на самой ранней стадии. Что можно получить? Как это юридически зафиксировать (нотариус, обеспечение)? Какие слабые места могут атаковать оппоненты? Работа с доказательствами превращается в отдельный, технически насыщенный фронт работы.

• **Общий принцип:** в условиях неопределённости презумпция должна работать в пользу сохранения доказательств, а не их отторжения. Если цифровой объект релевантен делу и нет явных признаков фальсификации, суду стоит не отвергать его из-за непривычной формы, а использовать все доступные инструменты (специалист, экспертиза) для его исследования в том числе не отвергать такие доказательства в апелляционных и кассационных инстанциях только из-за упущений при формировании и подачи таких доказательств без должной подготовки.

Литература

1. Абрашин А.А. Электронные доказательства как отдельное средство доказывания / А.А. Абрашин // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 5. – С. 120-130. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-dokazatelstva-kak-otdelnoe-sredstvo-dokazyvaniya>.
2. Абдыкалыков А.А. Социальные сети. Как использовать их в качестве доказательства в суде / А.А. Абдыкалыков // Закон и право. – 2024. – № 3. – С. 45-48. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-kak-ispolzovat-ih-v-kachestve-dokazatelstva-v-sude>.
3. Алиева А.Б. Гражданский процесс: учебное пособие / А.Б. Алиева, К.А. Исмаилова. – Махачкала: Изд-во ДГУНХ, 2020. – 276 с. – URL: https://dgunh.ru/content/glavnay/ucheb_deyatel/uposob/up-gp-fgos-4.pdf.
4. Афанасьев С.Ф. Правовая политика в области доказывания и доказательств по гражданским делам в контексте применения новых цифровых технологий / С.Ф. Афанасьев // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – № 3. – С. 28-34. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-politika-v-oblasti-dokazyvaniya-i-dokazatelstv-po-grazhdanskim-delam-v-kontekste-primeneniya-novyh-tsifrovyyh-tehnologiy>.
5. Афанасьева Н.А. Гражданский процесс в схемах и таблицах (общая часть): учебное пособие / Н.А. Афанасьева. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2022. – 174 с. – ISBN 978-5-6049592-0-6. – URL: https://sgla.ru/sveden/files/aik/Afanasyeva_N.A._Graghdanskii_process_v_schemax_tablicax_Uchebnoe_posobie.pdf.
6. Борискина Н.И. Процессуальная форма доказательств в современном гражданском судопроизводстве: дис. канд. юрид. наук: 12.00.15 / Борискина Надежда Ивановна. – М., 2020. – 178 с. – URL: <https://istina.msu.ru/download/271206093/1nSH78:FQFA13cvlhECS4L3d9kV7AgErMo>.
7. Борисова Л.В. Электронное правосудие как форма судебной защиты в России / Л.В. Борисова // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 6(115). – С. 105-111. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnoe-pravosudie-kak-forma-sudebnoy-zaschity-v-rossii>.
8. Говорова С.В. Доказывание и доказательства в гражданском судопроизводстве: учеб. пособие / С.В. Говорова. – М.: КноРус, 2021. – 198 с. – ISBN 978-5-406-06610-2. – URL: <https://www.litres.ru/book/svetlana-vladimirovn/dokazyvanie-i-dokazatelstva-v-grazhdanskom-sudoproizv-66277328/>.
9. Григоревский В.А. Обеспечение доказательств в системе институтов гражданского и арбитражного процессуального права: дис. канд. юрид. наук: 12.00.15 / В.А. Григоревский. – М., 2023. – 210 с. – URL: <https://istina.msu.ru/download/590690533/1tQcci:G25zXq5utoZfmsbftn2E6ldZwIk/>.
10. Гуляева Т.Б. Современные тенденции и проблемы развития института доказывания в гражданском судопроизводстве / Т.Б. Гуляева, В.А. Авдеева, Н.Д. Савинова // Северно-Кавказский юридический вестник. – 2024. – № 2. – С. 160-166. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-i-problemy-razvitiya-instituta-dokazyvaniya-v-grazhdanskom-sudoproizvodstve>.
11. Гуськов Д.А. Электронные доказательства в контексте электронного правосудия: конституционно-правовое исследование: магистерская диссертация / Д.А. Гуськов. – Пенза: ПГУ, 2021. – 87 с. – URL: https://elib.pnzgu.ru/library_doc/32337.
12. Дёмин А.А. Электронное доказательство в гражданском и арбитражном процессах / А.А. Дёмин // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 9. – С. 1190-1197. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnoe>

dokazatelstvo-v-grazhdanskom-i-arbitrazhnom-protssessah.

13. Емалтынов А.Р. Некоторые проблемы оценки электронных доказательств в системе электронного правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 5. – С. 31-35. – URL: https://old.lawinfo.ru/assets/files/AGP/2021/5/AGP_5_21-7.pdf.

14. Жогин Е.Д. О проблемах и перспективах использования в гражданском процессе электронных доказательств / Е.Д. Жогин // Вестник гражданского процесса. – 2023. – № 6. – С. 183-188. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-problemah-i-perspektivah-ispolzovaniya-v-grazhdanskom-protssesse-elektronnyh-dokazatelstv>.

15. Затева Д.А. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве в эпоху цифровизации правосудия: теоретические и практические аспекты / Д.А. Затева // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 4(153). – С. 219-225. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-dokazatelstva-v-grazhdanskom-sudoproizvodstve-v-epohu-tsifrovizatsii-pravosudiya-teoreticheskie-i-prakticheskie-aspekty>.

16. Казакова С.Р. Электронная переписка и смайлы в системе доказательств гражданского судопроизводства / С.Р. Казакова, С.В. Мельник // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2 (76). – С. 105-114. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnaya-perepiska-i-smayly-v-sisteme-dokazatelstv-grazhdanskogo-sudoproizvodstva>.

17. Катермина В.В. Выражение агрессии посредством эмодзи (на материале интернет-комментариев) / В.В. Катермина, Б.Г. Вульфвич // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, № 4. – С. 1176-1181. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyrazhenie-agressii-posredstvom-emodzi-na-materiale-internet-kommentariev>.

18. Карасев А.Т. Цифровизация правосудия в Российской Федерации / А.Т. Карасев, А.В. Савоськин, В.А. Мещерягина // Основные тенденции государственно-правового развития. – 2021. – № 2. – С. 71-77. – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-pravosudiya-v-rossiyskoy-federatsii>.

19. Князев Д.В. Раскрытие доказательств в гражданском процессе США: монография / Д.В. Князев. – М.: Проспект, 2025. – 176 с. – ISBN 978-5-907982-21-5. – URL: <https://books.yandex.ru/books/jSUvT1bI>.

20. Ковалева Н.В. Допустимость электронных доказательств в гражданском процессе / Н.В. Ковалева, А.П. Жук // Научно-практический журнал «Диалог». – 2025. – № 2. – С. 66-68. URL: <https://www.npzhdialog.ru/gallery/666822025.pdf>.

21. Кочеткова Е.А. Об использовании электронных доказательств в цивилистическом процессе / Е.А. Кочеткова // Вестник ВГУ. Серия: Право процесса. – 2020. – № 3. – С. 148-155. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-ispolzovanii-elektronnyh-dokazatelstv-v-tsivilisticheskom-protssesse>.

22. Максуров А.А. Доказательства в гражданском процессе: учебное пособие / А.А. Максуров. – М.: Русайнс, 2024. – 90 с. – ISBN 978-5-466 06 918-1. – URL: https://www.litres.ru/get_pdf_trial/70408702.pdf.

23. Малык А.В. К вопросу о заверении доказательств, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» / А.В. Малык // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2024. – № 2. – С. 36-42. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-zaverenii-dokazatelstv-razmeshchennyh-v-informatsionno-telekommunikatsionnoy-seti-internet>.

24. Мавренков А.С. Современные средства процессуального доказывания по гражданским делам: актуальные проблемы / А.С. Мавренков // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2025. – № 3. – С. 112-128. – URL: <https://moluch.ru/archive/593/129285>.

25. Марьясов К.В. Электронные доказательства в цивилистическом процессе / К.В. Марьясов, Н.А. Никиташина // Сибирский юридический вестник. – 2021. – № 1(92). – С. 74-79. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-dokazatelstva-v-tsivilisticheskom-protssesse>.

26. Межуева Ю.С. Значение электронных доказательств в гражданском процессе / Ю.С. Межуева // Политехнический молодежный журнал. – 2022. – № 9. – С. 1-9. – URL: <https://ptsj.bmstu.ru/articles/826/826.pdf>.

27. Молчанова С.И. Отдельные вопросы оценки доказательств в процессе судопроизводства / С.И. Молчанова, Р.В. Косов // *Право: история и современность*. – 2022. – № 4. – С. 528-534. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-voprosy-otsenki-dokazatelstv-v-protsesse-sudoproizvodstva>.

28. Момотов В.В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования / В.В. Момотов // *Вектор юридической науки*. – 2021. – № 5. – С. 188-191. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyu-intellekt-v-sudoproizvodstve-sostoyanie-perspektivy-ispolzovaniya>.

29. Нахова Е.А. Концепция предмета доказывания в гражданском процессе: дис. канд. юрид. наук: 12.00.15 / Нахова Елена Александровна. – М., 2024. – 494 с. – URL: <http://test.ssa.ru/dissertation/dissert/19-09-2024-1d.pdf>.

30. Некрасова Д.И. Судебное доказывание в гражданском процессе: основные принципы и виды доказательств / Д.И. Некрасова // *Вестник науки*. – 2025. – Т. 2, № 5 (86). – С. 274-283. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnoe-dokazyvanie-v-grazhdanskom-protsesse-osnovnye-printsipy-i-vidy-dokazatelstv>.

31. Невоструев А.Г. Доказательства в гражданском судопроизводстве по курсу «Гражданский процесс»: учебное пособие / А.Г. Невоструев, О.А. Сегал. – Ижевск: Удмуртский университет, 2024. – 145 с. – URL: http://elibrary.udsu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/22591/320%D0%BB%D0%B1_1000983479_10.09.2024.pdf?sequence=1.

32. Подолинский И.А. Оценка доказательств в гражданском и арбитражном процессе: проблемы теории и практики / И.А. Подолинский // *Вопросы российской юстиции*. – 2022. – Вып. 18. – С. 555-563. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-dokazatelstv-v-grazhdanskom-i-arbitrazhnom-protsesse-problemy-teorii-i-praktiki>.

33. Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе: учеб.-практ. пособие / И.В. Решетникова. – 8-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2025. – 416 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-16594-4. – Текст: электронный. – URL: <https://urait.ru/bcode/559719>.

34. Семелькина П.Д. Электронные доказательства как самостоятельный вид доказательств / П.Д. Семелькина // *Форум молодых ученых*. – 2023. – № 6(82). – С. 70-76. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-dokazatelstva-kak-samostoyatelnyy-vid-dokazatelstv>.

35. Семикина О.Н. Судебные доказательства по делам о возмещении убытков: понятие доказательств. Источники доказательств и средства доказывания / О.Н. Семикина // *Право и государство: теория и практика* – 2020. – № 6(162). – С. 92-97. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnye-dokazatelstva-po-delam-o-vozmeschenii-ubytkov-ponyatie-dokazatelstv-istochniki-dokazatelstv-i-sredstva-dokazyvaniya/viewer>.

36. Сентякова Е.Д. Особенности использования цифровых доказательств (скриншоты, переписки, видеоматериалы) в гражданском процессе / Е.Д. Сентякова // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. – 2025. – № 12-1 (99). – С. 250-253. – URL: <http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2025/01/Sentyakova.pdf>.

37. Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве (7-е издание, дополненное и переработанное) / И.В. Решетникова, А.А. Малов, Е.А. [и др.]; под ред. И.В. Решетниковой. – М.: «Норма», «ИНФРА-М», 2021. – 480 с. 395. – в открытом доступе ИС КонсультантПлюс.

38. Терещенко Д.А. Доказательства и доказывание в гражданском процессе: магистерская диссертация / Д.А. Терещенко. – Барнаул: АлтГУ, 2021. – 98 с. – URL: <http://elibrary.asu.ru/xmlui/handle/asu/9881>.

39. Ткаченко Е.В. К вопросу о правовой природе электронных доказательств в арбитражном процессе / Е.В. Ткаченко, Р.В. Фомичева, Л.Г. Щербакова // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. – 2021. – № 3(140). – С. 160-169. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravovoy-prirode-elektronnyh-dokazatelstv-v-arbitrazhnom-protsesse>.

40. Тошматова А.Н. Электронная переписка как доказательство в гражданском процессе / А.Н. Тошматова // *Правовое регулирование экономической деятельности*. – 2022. – № 1. – С. 65-70. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnaya>

perepiska-kak-dokazatelstvo-v-grazhdanskom-protssesse.

41. Фомин А.А. История развития института процессуально-правовых средств доказывания в отечественном гражданском судопроизводстве (X–XX вв.) / А.А. Фомин, Ю.В. Чеснокова // Наука. Общество. Государство. – 2022. – Т. 10, № 1. – С. 51-62. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-instituta-protssesualno-pravovyh-sredstv-dokazyvaniya-v-otchestvennom-grazhdanskom-sudoproizvodstve-x-xx-vv>.

42. Хайрусов Д.С. Исследование цифровых доказательств в судебном процессе / Д.С. Хайрусов, А.Б. Ражабов, Я.А. Слотина // Вестник науки. – 2023. – Т. 2, № 3(60). – С. 171-176. – EDN UXCRIX. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-tsifrovyyh-dokazatelstv-v-sudebnom-protssesse>.

43. Чайкина А.В. Прикладное применение блокчейн-технологии в гражданском судопроизводстве / А.В. Чайкина // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 12(88). – С. 165-170. – DOI 10.17803/2311-5998.2021.88.12.165-170. – EDN ILXAKI. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prikladnoe-primeneniye-blokcheyn-tehnologii-v-grazhdanskom-sudoproizvodstve>.

44. Черецких А.В. Цифровые (электронные) доказательства / А.В. Черецких // Правопорядок: история, теория, практика. – 2023. – № 4(39). – С. 110-117. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-elektronnyye-dokazatelstva-v-ugolovnom-sudoproizvodstve>.

45. Шаболова Н.Г. Правосудие и искусственный интеллект: перспективы и проблемы / Е.С. Эберт, Е.А. Эмишян, Е.Г. Шаблова // Труды конференции Весенние дни науки / Н.Г. Шаболова – Екатеринбург: УрФУ, 2023. – С. 1365-1368. – URL:

https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/125685/1/978-5-91256-595-3_338.pdf

46. Шевченко А.А. Изображения как средства доказывания в гражданском процессе / А.А. Шевченко // Научный журнал «Эпомен». – 2021. – № 56. – С. 391-399. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izobrazheniya-kak-sredstva-dokazyvaniya-v-grazhdanskom-protssesse>.

47. Шобей Л.Г. К вопросу об особенностях правового регулирования общественных отношений, складывающихся в информационно-телекоммуникационной сети «интернет» / Л.Г. Шобей, К.Е. Григорьев, П.А. Чернова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8, № 2(27). – С. 190-193. – DOI 10.26140/bgj3-2019-0802-0042. – EDN OOSDPT. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44059518>.

48. Шухарева А.В. Проблемные вопросы реализации права на доступ к правосудию в условиях цифровизации судебной системы // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 223-226. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnyye-voprosy-realizatsii-prava-na-dostup-k-pravosudiyu-v-usloviyah-tsifrovizatsii-sudebnoy-sistemy/viewer>.

49. Щукина Д.О. Проблемы применения электронных доказательств в гражданском процессе / Д.О. Щукина // Вестник экономики, права и социологии. – 2025. – № 1. – С. 84-88. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemsy-primeneniya-elektronnyh-dokazatelstv-v-grazhdanskom-protssesse-2>.

50. Якимова Е.С. Некоторые вопросы квалификации доказательств в гражданском процессе / Е.С. Якимова // Образование и право. – 2022. – № 5. – С. 235-243. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-kvalifikatsii-dokazatelstv-v-grazhdanskom-protssesse>.

ENCHIK Aleksandr Gennadievich

Student, Moscow University "Synergy", Russia, Moscow

*Scientific Advisor – Head of the Department of Criminal and Public Law
of the Moscow University "Synergy", Candidate of Law,
Associate Professor Baybarin Andrey Andreevich*

MODERN MEANS OF PROCEDURAL PROOF IN CIVIL CASES

Abstract. *The article examines the challenges of using digital evidence (electronic documents, social media data, blockchain) in Russian civil proceedings. The analysis reveals that existing provisions of the Code of Civil Procedure are outdated and do not align with new technological realities, creating difficulties in determining the admissibility, reliability, and examination of such evidence. The author argues for the necessity of moving beyond piecemeal amendments towards establishing a comprehensive "digital procedural framework" to effectively integrate new technologies into the judicial process.*

Keywords: *civil procedure, digital evidence, means of proof, admissibility of evidence, reliability of evidence, electronic documents, blockchain, artificial intelligence (AI), digital procedural framework, Code of Civil Procedure of the Russian Federation (CCP RF), judicial practice, Big Data, Internet of Things (IoT).*

КОЛЕСНИКОВ Родион Сергеевич

студент, Московский университет «Синергия», Россия, г. Москва

*Научный руководитель – старший преподаватель кафедры правового регулирования бизнеса и прикладной юриспруденции Московского университета «Синергия»**Снытникова Наталия Валериевна***НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ (БАНКРОТСТВО) ИНДИВИДУАЛЬНЫХ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ**

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу института несостоятельности (банкротства) индивидуальных предпринимателей в Российской Федерации с учетом его двойственной правовой природы и современного состояния правоприменения.

Ключевые слова: индивидуальный предприниматель, несостоятельность, банкротство, конкурсная масса, оспаривание сделок, добросовестность, арбитражный управляющий, освобождение от обязательств, публичные требования, судебная практика.

Институт банкротства индивидуальных предпринимателей (далее также ИП) имеет особое значение для правовой системы и экономики: он затрагивает одновременно сферу малого бизнеса, гражданский оборот, публичные интересы (налоговые и иные обязательные платежи), а также социальные гарантии гражданина-должника. В отличие от юридических лиц, индивидуальный предприниматель не обладает обособленным имуществом в корпоративном смысле: предприниматель отвечает по обязательствам всем принадлежащим ему имуществом, что объективно усложняет формирование конкурсной массы и повышает конфликтность процедур. Одновременно ИП, оставаясь гражданином, вовлечен в режимы защиты минимально необходимого уровня существования, включая вопросы имущественного иммунитета и семейного имущества.

Актуальность темы дополнительно усиливается современными тенденциями правоприменения 2021–2025 годов: суды демонстрируют возрастающую требовательность к добросовестности должника, тщательнее проверяют экономический смысл предбанкротных сделок и «дружественных» требований, а также активнее используют инструменты возврата имущества в конкурсную массу. На этом фоне возрастает значение научной систематизации проблем и выработки предложений, повышающих

определенность регулирования и предсказуемость судебной практики.

Цель исследования в рамках статьи состоит в выявлении ключевых теоретических проблем и типовых правоприменительных конфликтов в банкротстве ИП и формулировании направлений совершенствования законодательства и судебной практики.

В теоретическом плане ИП выступает «пограничным» субъектом: с одной стороны, это гражданин, не утративший личной правосубъектности и не отделивший «предпринимательскую» имущественную массу от личной; с другой стороны, это участник профессионального оборота, принимающий на себя предпринимательский риск и вступающий в отношения с контрагентами, кредиторами, публичными органами. Такая двойственность приводит к двум разнонаправленным тенденциям в правовом регулировании:

- применение к ИП многих механизмов банкротства граждан (включая последствия освобождения от обязательств и подходы к добросовестности);
- фактическое усиление стандартов оценки поведения должника, характерное для предпринимательской сферы (проверка деловой цели сделок, прозрачности финансовых операций, экономического смысла задолженности).

В научной литературе данная проблематика раскрывается через сопоставление

банкротства ИП и банкротства граждан (Исаев М. А.; Анохин С. А., Лапин А. Н.), а также через системный анализ института банкротства ИП как самостоятельного явления (Истомин В. Г.; Липатов В. О.; Исупова М. А.). Общий вывод работ данного направления сводится к тому, что формальное сближение процедур не устраняет необходимости учитывать предпринимательскую специфику долгов, поведения должника и рисков злоупотреблений.

В практическом правоприменении особенно значимы корректные критерии финансового состояния должника: не каждое ухудшение платежной дисциплины является основанием для банкротства, но устойчивое отсутствие возможности исполнять обязательства при наличии правовой обязанности — это делать и при определенной структуре активов, как правило, формирует признаки несостоятельности. Научные работы, анализирующие понятие неплатежеспособности и банкротства (Мыцких Н.), полезны тем, что задают корректный понятийный аппарат для разграничения финансового кризиса и юридически значимого состояния должника.

Одним из наиболее сложных вопросов является квалификация обязательств как связанных с предпринимательской деятельностью либо относящихся к личной сфере гражданина. В реальности долги ИП часто смешанные: предприниматель одновременно заключает договоры поставки, аренды, кредитования, и одновременно несет обязательства по семейным, потребительским и иным личным основаниям. При рассмотрении дел суды вынуждены устанавливать происхождение долга, момент его возникновения и связь с предпринимательской деятельностью, поскольку это влияет на оценку поведения должника и на аргументы сторон при решении вопроса об освобождении от обязательств.

Научные публикации последнего времени фиксируют устойчивую проблему: отсутствие единых, предельно ясных критериев, позволяющих одинаково квалифицировать аналогичные ситуации (Исаев М. А.; Раннева Е. В.). В результате один и тот же экономический, по сути, долг может трактоваться сторонами как «предпринимательский» либо «личный» для достижения процессуального результата.

В банкротстве ИП центральным становится вопрос о составе конкурсной массы, поскольку у предпринимателя отсутствует юридическое разделение имущества на «личное» и «бизнес-

имущество». Практика показывает, что споры чаще всего возникают вокруг:

1. Имущества, приобретенного в браке и зарегистрированного на супруга;
2. Имущества, формально отчужденного незадолго до процедуры;
3. Активов, используемых и для бизнеса, и для личных нужд.

Исследования, посвященные реализации имущества ИП (Михлик Е. С.) и семейным аспектам банкротства (Горбачева Е. В.; Головина И. В. об отдельных вопросах банкротства супругов), подчеркивают: именно «семейный контур» является наиболее конфликтным, поскольку он затрагивает права третьего лица (супруга), интересы кредиторов и необходимость соблюдения социальных гарантий. В 2021–2025 годах заметна тенденция к более строгому анализу источника происхождения имущества и обстоятельств совершения семейно-правовых сделок (раздел имущества, брачные договоры) с позиции возможного вывода активов.

Оспаривание сделок в банкротстве ИП имеет повышенную практическую значимость, поскольку предбанкротные действия предпринимателя зачастую связаны с попытками сохранить активы в семье либо среди близких лиц. Наиболее типичные конструкции:

1. Дарение или продажа имущества родственникам по заниженной цене;
2. «Перевод» имущества на супруга через соглашения о разделе или брачные договоры;
3. Фиктивные займы и «дружественные» кредиторы;
4. Сделки с формальным документооборотом, но без реального исполнения (мнимые услуги, «бумажные» поставки).

В научной литературе эти проблемы рассматриваются как часть общей антизлоупотребительной функции банкротства и как проявление пересечения частноправовых и публично-правовых начал (Черникова Е. В.). Для практики важны критерии добросовестности приобретателя имущества и стандарты проверки осведомленности контрагента (Шевченко А. С.), поскольку именно от этого зависит судьба имущества, выведенного из конкурсной массы.

Вопрос освобождения гражданина (включая ИП) от обязательств является наиболее чувствительным: с одной стороны, это механизм «второго шанса» и восстановления экономической активности; с другой стороны, именно

здесь концентрируются злоупотребления. Практика 2021–2025 годов демонстрирует усиление требований к раскрытию информации, сотрудничеству с управляющим и отказу от предбанкротного вывода активов.

С научной точки зрения данная тенденция подкрепляется развитием концепции добросовестности как системного критерия поведения должника. В публикациях о проблемах судебно-арбитражной практики банкротства физических лиц (Федунова Е. С.) отмечается: наличие формальной неплатежеспособности не гарантирует освобождения от долгов, если поведение должника признано недобросовестным. Для ИП этот тезис особенно актуален, поскольку предпринимательская деятельность предполагает более высокий уровень финансовой дисциплины и документированности операций.

На основе всестороннего анализа представляется возможным выделить несколько направлений, которые способны повысить определенность регулирования банкротства ИП и снизить конфликтность процедур:

1. Унификация критериев квалификации обязательств ИП (целесообразно закреплять (на уровне разъяснений высших судов или методических подходов) признаки, позволяющие отделять предпринимательские обязательства от личных: цель привлечения средств, характер контрагента, учет операции, использование результата сделки в бизнесе, наличие деловой цели);

2. Повышение определенности правил о конкурсной массе и семейных активах (требуется более ясная логика учета имущества, приобретенного в браке, и последствий семейно-правовых соглашений, заключенных накануне банкротства, включая стандарты проверки источников средств и рыночности встречного предоставления);

3. Закрепление минимальных стандартов раскрытия информации должником (можно выделить минимальный перечень сведений и документов, которые ИП должен раскрывать в процедуре (счета, сделки за определенный период, основные контрагенты, активы), и стандарты негативных последствий при необоснованном уклонении);

4. Развитие ранних обеспечительных механизмов (процессуальные инструменты обеспечения сохранности конкурсной массы требуют эффективного доказывания (Носов А. О.). Важно развивать практику оперативного применения обеспечительных мер при наличии признаков вывода активов, особенно по высоколиквидному имуществу).

Таким образом, банкротство индивидуальных предпринимателей представляет собой самостоятельный и высококонфликтный сегмент банкротного права, обусловленный отсутствием имущественной обособленности и двойственной природой статуса ИП. В 2021–2025 годах правоприменение развивается по пути усиления антизлоупотребительных механизмов: повышается стандарт доказывания реальности требований и сделок, возрастает значимость анализа аффилированности и семейных конструкций, усиливается связь между поведением должника и решением вопроса об освобождении от обязательств. Научные исследования последних лет фиксируют те же проблемные узлы и подчеркивают необходимость унификации критериев квалификации долгов ИП и повышения определенности правил о конкурсной массе и сделках. Перспективными направлениями развития являются стандартизация раскрытия информации должником, совершенствование подходов к семейным активам и укрепление процессуальных механизмов раннего обеспечения сохранности имущества.

Литература

1. Соотношение банкротства индивидуальных предпринимателей и физических лиц Исаев М.А. Тенденции развития науки и образования. 2025. № 117-4. С. 83-86.

2. Банкротство граждан и индивидуальных предпринимателей: сравнительно-правовой анализ Анохин С.А., Лапин А.Н. Вестник Академии управления и производства. 2024. № 4-2. С. 109-116.

3. Оспаривание брачных договоров в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан и вне рамок процедур банкротства Горбачева Е.В. Закон и право. 2023. № 1. С. 110-114.

KOLESNIKOV Rodion Sergeevich

Student, Moscow University "Synergy", Russia, Moscow

Scientific Advisor – Senior Lecturer at the Department of Legal Regulation of Business and Applied Jurisprudence, Moscow University of Law "Synergy" Snytnikova Natalia Valerievna

INSOLVENCY (BANKRUPTCY) OF INDIVIDUAL ENTREPRENEURS: ISSUES OF THEORY AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Abstract. *The article is devoted to a comprehensive analysis of the institution of insolvency (bankruptcy) of individual entrepreneurs in the Russian Federation, taking into account its dual legal nature and the current state of law enforcement.*

Keywords: *sole proprietor, insolvency, bankruptcy, bankruptcy estate, challenging transactions, good faith, insolvency practitioner, release from obligations, public claims, judicial practice.*

ЛИТВИНОВА Мария Александровна
студентка экономического факультета,
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина,
Россия, г. Краснодар

*Научный руководитель – доцент кафедры административного и финансового права Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина,
кандидат юридических наук Чернов Юрий Иванович*

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ЧАСТЯМИ 6 И 7 СТАТЬИ 14.35 КОАП РФ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности административной ответственности за правонарушения, предусмотренные частями 6 и 7 статьи 14.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Анализируется правоприменительная практика в сфере контрактной системы, выявляются проблемы размещения информации и непропорционального взаимодействия участников закупок. Формулируются предложения по совершенствованию применения указанных норм с учетом цифровизации. Подчеркивается, что предлагаемые меры не распространяются на случаи, урегулированные федеральным законом о государственной регистрации.

Ключевые слова: административная ответственность, КоАП РФ, государственные закупки, контрактная система, конкуренция, цифровизация.

Современная система государственного управления в Российской Федерации предполагает наличие эффективного механизма регулирования контрактной системы, определяющей порядок закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. В рамках данной системы особое место занимает административная ответственность как инструмент обеспечения законности и прозрачности закупочной деятельности. Часть 6 и часть 7 статьи 14.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях являются важнейшими элементами правового механизма, направленного на защиту конкуренции и предотвращение злоупотреблений в сфере государственных закупок.

Правовое регулирование, устанавливаемое рассматриваемыми нормами, связано с обеспечением надлежащего уровня информационной открытости участников закупочного процесса, соблюдения требований по предоставлению данных, а также предотвращения недобросовестных форм взаимодействия, которые могут привести к ограничению конкуренции. В условиях цифровизации государственного управления ключевым аспектом становится

корректность и своевременность размещения информации в единой информационной системе закупок. Нарушения этих требований нередко приводят к дестабилизации механизмов контроля и мониторинга, что отрицательно отражается на качестве закупочной деятельности.

Часть 6 статьи 14.35 КоАП РФ устанавливает ответственность за непредоставление, неполное предоставление либо предоставление недостоверных сведений в единую информационную систему. Данное нарушение может быть следствием как технических ошибок, так и умышленных действий, связанных с попыткой скрыть определённые сведения, которые могут повлиять на ход закупочной процедуры. Правоприменительная практика свидетельствует о том, что значительная доля нарушений обусловлена недостаточной квалификацией должностных лиц, а также низким уровнем автоматизации процессов внутреннего контроля.

Вместе с тем часть 7 статьи 14.35 КоАП РФ направлена на предотвращение непропорционального взаимодействия участников закупок, которое может выражаться в координации действий, создании искусственных преимуществ для определённых поставщиков либо иных

формах манипуляций, способных повлиять на конкурентную среду. Подобные нарушения представляют серьёзную общественную опасность, так как подрывают доверие к системе государственных закупок и способствуют развитию коррупционных рисков. Судебная практика указывает на то, что доказать факт незаконного взаимодействия участников закупки достаточно сложно, поскольку оно может быть замаскировано под обычные деловые связи.

Анализ функционирования правовых норм показывает, что существующие меры ответственности являются существенными, однако не всегда обеспечивают полноценное выполнение задач законодательства. Одним из ключевых факторов является необходимость более детального определения состава правонарушений, а также выработка единых методических рекомендаций для контрольных органов. Существенной проблемой остаётся и разрыв между уровнем цифровизации контролирующих структур и уровнем автоматизации участников закупок, что создаёт неравномерность в возможности предотвращения нарушений на ранних этапах.

Кроме того, необходимо учитывать, что эффективность применения административной ответственности определяется не только размером штрафов, но и уровнем правосознания должностных и юридических лиц, занятых в закупочной деятельности. Практика показывает, что даже значительные санкции не всегда служат достаточным стимулом к соблюдению законодательства, если в организациях отсутствует внутренний контроль или систематическое обучение сотрудников. В связи с этим важно рассматривать административную ответственность в комплексе с профилактическими мерами, включая повышение квалификации, внедрение современных цифровых систем, автоматизацию документооборота и усиление внутреннего аудита.

Развитие института административной ответственности в сфере закупок должно быть направлено на повышение эффективности правового регулирования. В частности, целесообразной является модернизация механизмов

мониторинга, расширение практики автоматических уведомлений о нарушениях, создание единой базы рисков и внедрение технологий машинного анализа данных для выявления закономерностей недобросовестного поведения участников закупок. Законодательное уточнение составов правонарушений позволит сократить количество спорных случаев и обеспечить более однозначное применение статей 14.35 КоАП РФ.

Таким образом, роль административной ответственности, предусмотренной частями 6 и 7 статьи 14.35 КоАП РФ, заключается в обеспечении прозрачности, добросовестности и эффективности государственного заказа. Усовершенствование правового регулирования, повышение уровня цифровизации и профессиональных компетенций участников закупок являются ключевыми направлениями, позволяющими укрепить конкурентную среду и минимизировать риски коррупции. В конечном итоге эти меры способствуют формированию устойчивой и эффективной системы государственных закупок, основанной на принципах законности, открытости и рационального расходования бюджетных средств.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: действующая редакция.
2. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федер. закон Рос. Федерации от 05.04.2013 № 44-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.
3. О защите конкуренции: Федер. закон Рос. Федерации // Собрание законодательства РФ.
4. Практика Верховного Суда Российской Федерации по делам об административных правонарушениях в сфере закупок.
5. Обзоры правоприменительной практики Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации.

LITVINOVA Maria Alexandrovna

Student of the Faculty of Economics,

I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Russia, Krasnodar

Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Candidate of Law Chernov Yuri Ivanovich

**ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR THE COMMISSION
OF OFFENSES, STIPULATED BY PARTS 6 AND 7 OF ARTICLE 14.35
OF THE ADMINISTRATIVE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Abstract. *The article discusses the specifics of administrative responsibility for offenses provided for in parts 6 and 7 of Article 14.35 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. The law enforcement practice in the field of the contract system is analyzed, the problems of information placement and unlawful interaction of procurement participants are identified. Proposals are being formulated to improve the application of these standards, taking into account digitalization. It is emphasized that the proposed measures do not apply to cases regulated by the federal law on State registration.*

Keywords: *administrative responsibility, Administrative Code of the Russian Federation, public procurement, contract system, competition, digitalization.*

НЕВЗГОДОВА Анастасия Эдуардовна

студентка, Сахалинский институт железнодорожного транспорта – филиал Дальневосточного государственного университета путей сообщения, Россия, г. Южно-Сахалинск

ГЛУХАРЕВА Светлана Вадимовна

старший оперуполномоченный оперативно-розыскного отдела,
Находкинская таможня, Россия, г. Находка

**ПОНЯТИЕ УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ ТАМОЖЕННЫХ ПЛАТЕЖЕЙ:
ПРАВОВОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Аннотация. В статье рассматривается понятие уклонения от уплаты таможенных платежей как общественно опасного деяния, анализируются его правовые признаки, экономическая сущность и социально-правовые последствия. Особое внимание уделено криминализации данного деяния в российском законодательстве и его месту в системе экономических преступлений.

Ключевые слова: таможенные платежи, уклонение от уплаты, экономическая безопасность, уголовное право, таможенное регулирование.

Уклонение от уплаты таможенных платежей – это умышленное неисполнение обязательств по уплате налогов и сборов, которые взимаются с товаров и других объектов, перемещаемых через таможенную границу. Это деяние нарушает установленный законом порядок исчисления и уплаты таможенных платежей и влечёт юридическую ответственность.

Объективная сторона преступления заключается в действиях или бездействии, направленных на избежание или уменьшение суммы платежей, подлежащих уплате при пересечении таможенной границы.

К таким действиям относятся:

- предоставление заведомо ложных сведений о товарах, транспортных средствах, их стоимости, стране происхождения или иных характеристиках в таможенной декларации или других документах;
- занижение таможенной стоимости товаров;
- нарушение сроков уплаты таможенных платежей;
- предоставление поддельных документов об уплате таможенных платежей;
- сокрытие товаров от таможенного контроля;
- перемещение товаров через границу помимо мест таможенного оформления.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом. Виновное лицо осознаёт, что не вносит в установленный срок причитающуюся

сумму таможенных платежей, предвидит, что в результате его действий или бездействия в федеральный бюджет не поступят соответствующие денежные средства, и желает наступления этого результата.

Субъект преступления – лицо, на которое возложена обязанность по уплате таможенных платежей. Согласно Таможенному кодексу Евразийского экономического союза (ТК ЕАЭС) [2], плательщиками признаются декларант и другие лица, у которых возникла такая обязанность. Таможенный представитель несёт ответственность за уплату пошлин и налогов, если он производит таможенное декларирование.

Уголовная ответственность предусмотрена статьёй 194 Уголовного кодекса РФ. Для привлечения к ней необходимо, чтобы сумма неуплаченных платежей достигла крупного размера (от 2 млн до 6 млн рублей) или особо крупного (свыше 6 млн рублей) [1]. Наказание может включать:

- штраф от 100 тыс. до 500 тыс. рублей;
- обязательные работы до 480 часов;
- принудительные работы до 2 лет;
- лишение свободы до 5 лет.

В случаях, когда сумма уклонения не достигает указанных порогов, возможно административное наказание по главе 16 КоАП РФ (нарушение таможенных правил).

Преступление считается оконченным с момента истечения срока, в который лицо было обязано уплатить таможенные платежи.

Уклонение от уплаты таможенных платежей наносит серьёзный ущерб экономике государства:

- Недополучение средств бюджетом. Таможенные платежи – важная статья доходов федерального бюджета. Их неуплата приводит к дефициту средств для финансирования государственных программ.

- Нарушение принципов справедливой конкуренции. Нарушители получают необоснованное преимущество перед добросовестными налогоплательщиками, что искажает рыночные условия.

- Снижение эффективности таможенно-тарифного регулирования. Манипуляции с таможенной стоимостью и другими параметрами подрывают механизмы государственного регулирования внешней торговли.

- Ущерб отечественным производителям. Недобросовестные участники внешнеэкономической деятельности могут вытеснять с рынка законопослушных товаропроизводителей, чьи товары становятся неконкурентоспособными из-за соблюдения всех норм.

Среди причин уклонения от уплаты таможенных платежей выделяют [3, с. 50-56]:

- высокие ставки таможенных пошлин на импортируемые товары;

- отсутствие конкурентоспособных товаров отечественного производства в некоторых отраслях;

- несовершенство механизма администрирования таможенных платежей, включая информационную разобщённость между таможенными и налоговыми органами.

Для минимизации рисков уклонения предлагается:

- совершенствовать законодательство и устранять противоречия между нормативными актами;

- ужесточать контроль за соблюдением таможенных правил, включая использование современных информационных технологий;

- развивать сотрудничество между странами для унификации подходов к контролю таможенной стоимости;

- повышать эффективность работы таможенных органов, внедрять системы управления рисками.

Таким образом, уклонение от уплаты таможенных платежей – это не только правовое, но и экономическое явление, которое требует комплексного подхода к противодействию, включающего совершенствование законодательства, усиление контроля и повышение прозрачности внешнеэкономической деятельности.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: в ред. от 17.11.2025 // СПС «Консультант+».

2. О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ: в ред. от 01.05.2019 // СПС «Консультант+».

3. Байрамов Р.Р. Социально-экономические предпосылки оптимизации правового обеспечения предупреждения преступлений, связанных с уклонением от уплаты таможенных платежей / Р.Р. Байрамов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 4 (95). – С. 50-56.

4. Благаренко О.В. Совершенствование законодательной регламентации уголовной ответственности за нарушение таможенного законодательства ЕАЭС / О.В. Благаренко // Право.by. – 2020. – № 6 (68). – С. 18-22.

5. Бобров А.Е. Таможенное сотрудничество в сфере борьбы с незаконным оборотом культурных ценностей / А.Е. Бобров // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 5-2. – С. 235-237.

6. Боков К.И. Становление и развитие таможенного дела и таможенного законодательства в России в XIX – начале XX века / К.И. Боков. – Москва, 2012. – 170 с.

7. Бруяко М. Своевременные решения для новых вызовов / М. Бруяко // Таможенный вестник. – 2021. – № 8 (302). – С. 8.

NEVZGODOVA Anastasia Eduardovna

Student, Sakhalin Institute of Railway Transport – a branch of the Far Eastern State University of
Railway Communications, Russia, Yuzhno-Sakhalinsk

GLUKHAREVA Svetlana Vadimovna

Senior Operative of the Operational Investigation Department,
Nakhodka Customs, Russia, Nakhodka

THE CONCEPT OF EVADING CUSTOMS PAYMENTS: LEGAL AND ECONOMIC ASPECTS

Abstract. *The article examines the concept of evading customs payments as a socially dangerous act, analyzes its legal features, economic essence, and socio-legal consequences. Special attention is paid to the criminalization of this act in Russian legislation and its place in the system of economic crimes.*

Keywords: *customs payments, evasion, economic security, criminal law, and customs regulation.*

ТОЛОШНАЯ Алла Юрьевна

магистрантка,

Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Россия, г. Сыктывкар

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРАКТ: ЗАКЛЮЧЕНИЕ, ИЗМЕНЕНИЕ, РАСТОРЖЕНИЕ

Аннотация. В статье анализируется правовая природа государственного контракта как ключевого элемента контрактной системы Российской Федерации. Рассматриваются особенности заключения, изменения и расторжения государственного контракта с учётом норм Федерального закона № 44-ФЗ, судебной практики 2024–2025 годов и решений антимонопольных органов. Особое внимание уделяется публично-правовым ограничениям свободы договора, а также проблемам правоприменения, возникающим на различных стадиях контрактных отношений. Формулируются выводы о тенденциях развития института государственного контракта и направлениях совершенствования правового регулирования.

Ключевые слова: государственный контракт, контрактная система, 44-ФЗ, судебная практика, УФАС, односторонний отказ.

1. Понятие и правовая природа государственного контракта

Государственный контракт в российском праве представляет собой особую разновидность гражданско-правового договора, заключаемого для обеспечения государственных и муниципальных нужд. В соответствии со статьей 3 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ государственный контракт заключается от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования и направлен на обеспечение соответственно государственных или муниципальных нужд [1].

В научной литературе подчёркивается двойственная природа государственного контракта, сочетающая частноправовые элементы обязательственного права и публично-правовые начала, обусловленные бюджетным финансированием и административным контролем [2]. Такая специфика предопределяет ограничение автономии воли сторон и усиление императивного регулирования.

Комплексное регулирование стадий заключения, изменения и расторжения государственного контракта направлено на повышение прозрачности контрактной системы, снижение коррупционных рисков и предсказуемости правоприменения.

2. Заключение государственного контракта

2.1. Значение стадии заключения

Заключению государственного контракта по Закону № 44-ФЗ предшествует определение поставщика (подрядчика, исполнителя) на основе конкурентной процедуры (аукцион, конкурс, запрос котировок) либо в исключительных случаях – без торгов (например, закупка у единственного поставщика по основаниям, перечисленным в ст. 93 Закона № 44-ФЗ).

Важный аспект – соблюдение требований к участникам закупки: отсутствие налоговой задолженности, соответствие квалификационным требованиям, правдивость сведений об опыте и ресурсах. Так, Верховный Суд РФ подтвердил право судов применять требование указания одной страны происхождения товара в заявке участника закупки в соответствии с национальным режимом, закрепленным Постановлением Правительства РФ от 23.12.2024 № 1875, обеспечивая равные условия для отечественных производителей [3].

Форма и содержание контракта регулируются ст. 34 и ст. 36 Закона № 44-ФЗ. Контракт должен быть заключён в письменной форме путём обмена электронными документами в единой информационной системе. Включение в контракт условий, не соответствующих документации о закупке, является основанием для признания контракта незаключённым (п. 6 ст. 34) [1].

Практика УФАС подтверждает строгий контроль за соблюдением процедуры заключения. Так, согласно решению Московского УФАС России от 16.06.2025 по делу № 077/07/00-7226/2025 комиссия признала действия заказчика несоответствующими требованиям, установленным п. 6 ч. 14 ст. 3.2 Закона № 44-ФЗ. В результате по указанному делу было выдано предписание об устранении нарушений и повторном подведении итогов закупки [4].

Срок заключения государственного контракта составляет 10 дней с даты размещения протокола о результатах определения поставщика (п. 11 ст. 34 Закона № 44-ФЗ). Пропуск срока влечёт применение мер ответственности: для заказчика – штраф по ст. 7.32 Кодекса об административных правонарушениях РФ [5], для поставщика – включение в реестр недобросовестных поставщиков по п. 4 ч. 1 ст. 104 Закона № 44-ФЗ [1].

Заключение государственного контракта является завершающим этапом закупочной процедуры и одновременно юридическим фактом, порождающим обязательственные правоотношения между заказчиком и поставщиком. В отличие от обычных гражданско-правовых договоров, государственный контракт заключается исключительно по результатам предусмотренных законом процедур определения поставщика.

Стадия заключения контракта играет системообразующую роль в контрактной системе, поскольку именно на этом этапе обеспечивается реализация принципов равноправия участников, прозрачности и конкуренции.

2.2. Публично-правовые ограничения свободы договора

Свобода договора в сфере государственных закупок существенно ограничена. Заказчик не вправе изменять условия контракта по сравнению с извещением и закупочной документацией, а победитель закупки лишён возможности обсуждать существенные условия договора. Такие ограничения вытекают из публичного характера закупочных отношений и направлены на предотвращение коррупционных рисков [6].

3. Изменение государственного контракта

Изменение государственного контракта возможно в двух случаях: при заключении и

при исполнении. Для каждого случая предусмотрено свое основание из Закона № 44-ФЗ.

При заключении контракта заказчик может по согласованию с участником увеличить количество товара на сумму, которая не больше разницы между начальной (максимальной) ценой контракта и ценой контракта, которую предложил участник закупки.

Указанное изменение можно внести в контракт при заключении только когда выбрали победителя аукционом или конкурсом. При запросе котировок увеличить количество товара при заключении контракта нельзя (п. 4 ч. 6 ст. 50 Закона № 44-ФЗ). Также нельзя применять данную норму при закупке с неопределённым объемом. Об этом прямо сказано в пункте 2 части 2 статьи 51 Закона № 44-ФЗ [7].

Исполнение контракта – наиболее продолжительная и сложная стадия, в ходе которой реализуются права и обязанности сторон. Ст. 37 Закона № 44-ФЗ устанавливает, что исполнение осуществляется в соответствии с условиями контракта, требованиями технической документации и законодательства.

Особое внимание уделяется изменению условий контракта. В литературе отмечается, что механизм изменения условий контракта призван предотвратить коррупционные риски, но на практике часто используется для необоснованного увеличения расходов бюджета [6].

По общему правилу существенные условия при исполнении контракта можно изменять только по основаниям из Закона № 44-ФЗ. Если изменить условия контракта по основанию, которого нет в Законе № 44-ФЗ, должностному лицу заказчика, которое приняло решение, грозит штраф.

Самое частое нарушение при изменении контракта – когда заказчики увеличивают объем товаров, работ или услуг, которые не предусмотрены контрактом. Хотя Закон № 44-ФЗ позволяет увеличить объем товаров, работ или услуг исключительно по тем позициям, которые изначально прописаны в контракте (исключение – строительно-монтажные работы).

Например, в ходе выездной проверки контролеры выяснили, что заказчик неправомерно изменил условия контракта в части принятия и оплаты дополнительных услуг, которых не было в контракте. Таким образом, заказчик нарушил требования пункта 1.2 части 1 статьи 95 Закона № 44-ФЗ, что привело к

дополнительному расходованию бюджетных средств. За это нарушение заказчику грозит штраф (ч. 4 ст. 7.30.2 КоАП) [8, 10].

Еще одно из самых распространенных нарушений заказчиков при изменении контракта – увеличение стоимости товаров, работ или услуг более чем на десять процентов.

Например, заказчик дополнительным соглашением решил исключить часть услуг из контракта, однако оставил цену контракта прежней. Контролеры посчитали, что заказчик нарушил требования пункта 1.2 части 1 статьи 95 Закона № 44-ФЗ, так как изменил объем услуг без изменения стоимости контракта.

За данные нарушения должностным лицам заказчика грозит штраф (ч. 3 ст. 7.30.2 КоАП) [9, 10].

Несущественные условия контракта тоже могут быть изменены путем заключения дополнительного соглашения. Согласно статье 432 Гражданского кодекса РФ, договор считают заключенным, если стороны достигли соглашения по всем существенным условиям. Дополнительное соглашение об изменении несущественных условий подписывают уполномоченные представители заказчика и поставщика [7, 11].

4. Расторжение государственного контракта

Расторжение контракта – прекращение обязательств сторон до истечения срока действия.

Расторжение государственного контракта допускается по соглашению сторон, по решению суда либо в порядке одностороннего отказа, предусмотренного статьей 95 Закона № 44-ФЗ. Односторонний отказ заказчика является исключительной мерой и возможен только при наличии существенного нарушения условий контракта.

Антимонопольные органы подчёркивают, что нарушение порядка одностороннего отказа от исполнения контракта влечёт признание такого отказа незаконным [13].

Сведения о поставщике, с которым контракт был расторгнут по инициативе заказчика, включают в Реестр недобросовестных поставщиков. Помимо этого, заказчик потребует от поставщика возместить понесенный ущерб.

Расторжение контракта не освобождает сторону от ответственности за невыполнение его условий. Поэтому неустойку с нарушителя можно взыскать в любое время в пределах срока исковой давности, который составляет три года со дня, когда возникли обязательства заплатить штраф или пени (ч. 6 ст. 34 Закона № 44-ФЗ, п. 1 ст. 196 и п. 4 ст. 425 ГК) [10].

5. Статистический анализ правоприменительной практики

Для выявления тенденций правоприменения в сфере государственных контрактов был проведён анализ судебных актов арбитражных судов и решений территориальных органов ФАС России за 2024-2025 годы.

Таблица

Основные категории споров, связанных с государственными контрактами (2024-2025 гг.)

Категория спора	Доля, %	Преобладающий результат
Заключение контракта	28	Признание нарушений заказчика
Исполнение контракта	46	Удовлетворение требований подрядчика
Расторжение контракта	19	Подтверждение правомерности отказа
Иные споры	7	Смешанные результаты

Указанные в таблице данные отображают распределение судебных дел по стадиям контрактных отношений.

Анализ статистических данных показывает, что наибольшее количество споров возникает

на стадии исполнения государственного контракта, что свидетельствует о повышенной конфликтности данного этапа и сложности практической реализации контрактных обязательств.

Динамика судебных споров по государственным контрактам (2024-2025 гг.)

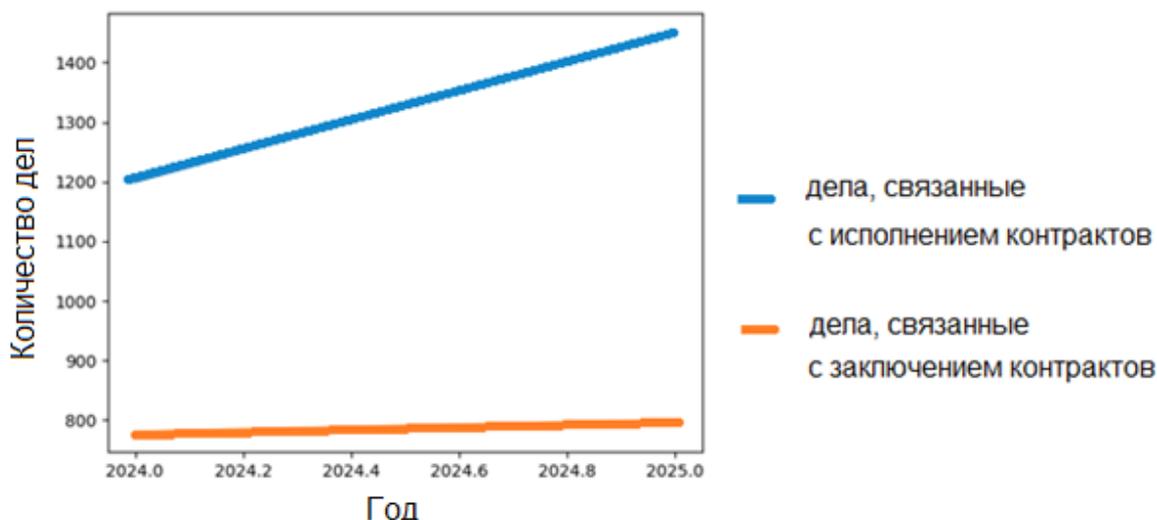

Рис. 1. Динамика судебных споров по государственным контрактам (2024-2025 гг.)

Анализ динамики судебных споров (рис. 1) демонстрирует рост количества дел, связанных с исполнением контрактов, при относительной стабилизации споров о заключении контрактов (на рисунке отмечены линией синего цвета).

Отдельного внимания заслуживает практика антимонопольных органов, выявляющих системные нарушения при подготовке и проведении закупок.

Структура нарушений, выявляемых УФАС (2024-2025 гг.)

Рис. 2. Структура нарушений, выявляемых УФАС России (2024-2025 гг.)

Структура выявленных нарушений (рис. 2) наглядно отражает преобладание нарушений, связанных с формированием закупочной документации и незаконными требованиями к участникам закупок.

Статистические данные подтверждают необходимость комплексного правового подхода к регулированию всех стадий государственного контракта.

Статистические данные, представленные в таблице и на рисунках 1-2, сформированы

автором на основе обобщённого анализа судебной практики арбитражных судов и решений территориальных органов ФАС России за 2024-2025 годы.

Заключение

Государственный контракт представляет собой сложный правовой инструмент, сочетающий частноправовые и публично-правовые элементы. Анализ правоприменительной практики 2024-2025 годов позволяет сделать вывод о формировании устойчивых подходов

судов и антимонопольных органов к вопросам заключения, изменения и расторжения государственных контрактов.

Соблюдение процедурных требований Закона № 44-ФЗ, надлежащее исполнение обязательств и корректное применение механизмов расторжения являются ключевыми условиями стабильности контрактных отношений и эффективности использования бюджетных средств.

Литература

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

2. Толошная А.Ю. Правовое регулирование заключения, изменения и расторжения контракта в сфере государственных закупок // Актуальные исследования. 2024. № 20 (202).

3. Решение Верховного Суда от 29.05.2025 по делу № АКПИ25-158.

4. Решение Московского УФАС России от 16.06.2025 по делу № 077/07/00-7226/2025.

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ.

6. Методические рекомендации по выявлению и минимизации коррупционных рисков при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, Минтруд России,

03.10.2020г. // Справочная система «Консультант Плюс».

7. Свинцова Ю. В каких случаях и как изменить контракт по 44-ФЗ // Справочная система «Госзаказ»: <https://1gzakaz.ru>.

8. Горбачева О. Увеличение объема товаров, работ или услуг, которые не предусмотрены контрактом // Справочная система «Госзаказ»: <https://1gzakaz.ru>.

9. Набатова Е. Изменение стоимости товаров, работ или услуг более чем на десять процентов без изменения объема // Справочная система «Госзаказ»: <https://1gzakaz.ru>.

10. Купцова Н. Незаконные изменения контракта: профилактика и советы контролеров // Госзаказ в вопросах и ответах, № 8. 2025 г.

11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.

12. Постановление Правительства РФ от 04.07.2018 № 783 «О списании начисленных поставщику (подрядчику, исполнителю), но не списанных заказчиком сумм неустоек (штрафов, пеней), в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств, предусмотренных контрактом».

13. Решение Новосибирского УФАС России от 07.07.2025 № 054/06/104-1778/2025 Об отказе во включении сведений в реестр недобросовестных поставщиков.

14. Путеводитель по спорам в сфере госзаказа. Споры и обжалования по Закону № 44-ФЗ // Справочная система «Консультант Плюс».

TOLOSHNAYA Alla Yurievna

Graduate Student, Moscow University of Finance and Industry "Synergy", Russia, Syktyvkar

GOVERNMENT CONTRACT: CONCLUSION, AMENDMENT, TERMINATION

Abstract. *The article analyzes the legal nature of the state contract as a key element of the contract system of the Russian Federation. The article considers the specifics of the conclusion, modification and termination of a state contract, taking into account the norms of Federal Law No. 44-FZ, judicial practice of 2024-2025 and decisions of antimonopoly authorities. Special attention is paid to public law restrictions on the freedom of contract, as well as to the problems of law enforcement that arise at various stages of contractual relations. Conclusions are formulated about the trends in the development of the institution of state contract and the directions of improving legal regulation.*

Keywords: *government contract, contract system, 44-FZ, judicial practice, FAS, unilateral refusal.*

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

МЕЛЕНТОВИЧ Никита Олегович

магистрант, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел, Россия, г. Москва

РОЛЬ РЕДКОЗЕМЕЛЬНЫХ МЕТАЛЛОВ В РАЗВИТИИ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Аннотация. Редкоземельные металлы (РЗМ) играют ключевую роль в развитии современных технологий альтернативной энергетики, повышая эффективность и надёжность продуктов в таких направлениях, как ветроэнергетика, солнечная энергетика, электромобили, и умные энергосистемы. В статье рассматриваются свойства редкоземельных элементов, их классификация, а также применение в критически важных компонентах «зелёных» технологий. Анализируется географическое распределение РЗМ, представлены современные стратегии снижения зависимости от импорта РЗМ.

Ключевые слова: редкоземельные металлы, альтернативная энергетика, электромобили, ветроэнергетика, солнечная энергия, ресурсная безопасность, рециклинг, геополитика, цепочки поставок, технологии будущего.

Введение

В условиях ускоряющегося климатического кризиса и глобального перехода на низкоуглеродную энергетику роль технологий альтернативной энергетики становится всё более значимой. Развитие ветроэнергетики, солнечной генерации, водородной энергетики и электромобилей требует не только масштабного внедрения новых инфраструктурных решений, но и доступа к стратегическим ресурсам, которые обеспечивают их функциональность и эффективность. Среди таких ресурсов особое место занимают редкоземельные металлы (РЗМ) – группа из 17 химических элементов, обладающих уникальными физико-химическими свойствами.

В настоящее время рост спроса сдерживается такими факторами, как ограниченность месторождений, концентрация добычи и переработки в отдельных странах, экологические риски и сложности вторичного использования. В этих условиях понимание технологической значимости РЗМ, их роли в различных направлениях «зелёной» энергетики, а также возможностей снижения зависимости от них приобретает стратегическое значение для обеспечения устойчивого развития энергетического сектора. Данная статья посвящена анализу текущего и перспективного использования редкоземельных металлов в ключевых технологиях

альтернативной энергетики, оценке географических и экономических факторов, влияющих на их доступность, а также рассмотрению инновационных путей минимизации зависимости от этих стратегически важных элементов.

Методологическая основа исследования

Методологической основой настоящей статьи является междисциплинарный подход, объединяющий методы системного анализа, экономико-географического исследования, анализа материалов и технологий, а также прогнозирования на основе количественных данных.

Классификация и технологическая значимость редкоземельных металлов

Редкоземельные металлы (РЗМ) представляют собой группу из 17 химических элементов, включающих 15 лантаноидов – элементов с атомными номерами от 57 (лантан) до 71 (лютеций), а также скандий (Sc, атомный номер 21) и иттрий (Y, атомный номер 39), которые обладают схожими физико-химическими свойствами и часто встречаются совместно в природных минералах. В эту группу входят: лантан (La), церий (Ce), празеодим (Pr), неодим (Nd), прометий (Pm), самарий (Sm), европий (Eu), гадолиний (Gd), тербий (Tb), диспрозий (Dy), гольмий (Ho), эрбий (Er), тулий (Tm), иттербий (Yb), лютеций (Lu), скандий (Sc) и иттрий (Y). Несмотря на своё название, большинство РЗМ

по содержанию в земной коре не являются особенно редкими, однако их рассеянность в природе и сложности разделения делают добычу и переработку трудоёмкими процессами.

Физические и химические свойства РЗМ определяют их уникальную роль в современных высокотехнологичных отраслях. Многие из них обладают исключительными магнитными, люминесцентными, каталитическими характеристиками. Например, неодим (Nd) и диспрозий (Dy) широко используются в производстве мощных постоянных магнитов благодаря высокой коэрцитивной силе (напряжённости магнитного поля) и термической стабильности своих сплавов с железом и бором (NdFeB), что особенно важно для электромобилей и ветрогенераторов.

В зависимости от атомного номера и плотности, РЗМ подразделяются на легкие – от лантана до самария, и тяжёлые – от европия до лютеция. Первые более распространены и дешевле, тогда как тяжёлые РЗМ встречаются реже и стоят дороже. Это различие также имеет важное значение и для промышленного применения. Например, такие лёгкие РЗМ, как неодим и празеодим используются в магнитах, тогда как диспрозий, являющийся твёрдым редкоземельным металлом, применяется для повышения термостойкости этих магнитов. Таким образом, потребность в твёрдых РЗМ растёт по мере увеличения требований к работе устройств при высоких температурах.

Сплавы и материалы на основе РЗМ демонстрируют уникальные характеристики, которые невозможно достичь другими средствами. Например, магнитный сплав NdFeB сочетает высокую плотность магнитного потока и компактность, что делает его идеальным для использования в миниатюрных устройствах и мощных электромоторах. Самарий-кобальтовые магниты (SmCo) отличаются исключительной устойчивостью к коррозии и работают при высоких температурах, что делает их незаменимыми в авиационной и космической технике. Ещё одним примером являются люминесцентные материалы на основе европия и иттербия, применяемые в светодиодах, плазменных панелях и лазерах. Сплавы на основе гадолиния используются в ядерной энергетике благодаря высокой способности поглощать нейтроны, а также в медицинской визуализации как контрастный агент в МРТ.

Роль редкоземельных металлов в ключевых направлениях развития альтернативной энергетики

Ветроэнергетика

Ветроэнергетика является одним из крупнейших потребителей редкоземельных металлов, особенно таких, как неодим и диспрозий. Эти элементы используются в производстве постоянных магнитов NdFeB, применяемых в ветрогенераторах с прямым приводом. Такие генераторы отличаются высокой эффективностью, отсутствием зубчатых передач, пониженным уровнем шума и меньшими затратами на техническое обслуживание. По данным Геологической службы США от 2023 года, один ветрогенератор мощностью 2–5 МВт может содержать от 200 до 600 кг неодима и от 10 до 40 кг диспрозия. При этом потребление РЗМ на 1 МВт установленной мощности колеблется в пределах 100–300 кг Nd и 10–20 кг Dy, в зависимости от конструкции и условий эксплуатации.

По оценкам агентства BloombergNEF, мировое потребление РЗМ ветроэнергетикой может вырасти с текущего уровня ~6 тыс. тонн в год до 25 тыс. тонн к 2040 году при активном развёртывании «зеленых» технологий. При этом существуют попытки снижения зависимости от РЗМ за счёт разработки альтернативных конструкций генераторов, таких как магниторезистивные и индукторные машины, а также синхронные реактивные двигатели без постоянных магнитов.

Несмотря на усилия по минимизации использования РЗМ, прогнозы МЭА указывают на рост потребления неодима и диспрозия в ветроэнергетике более чем в три раза к 2040 году при сценарии ускоренного энергоперехода (Net Zero Scenario).

Солнечная энергетика

В солнечной энергетике роль редкоземельных металлов пока менее выражена, но она постепенно усиливается, особенно в области фотovoltaических технологий (технологий преобразования солнечной энергии в электрическую) и систем хранения энергии. Европий и иттербий находят применение в светоизлучающих диодах (LED), используемых в системах управления освещением и мониторинга солнечных установок. Кроме того, некоторые перспективные разработки в области тонкоплёночных солнечных элементов включают добавки редкоземельных оксидов для улучшения оптических и электронных характеристик.

По данным Международного энергетического агентства (IEA), доля РЗМ в цене фотоэлектрической системы составляет менее 1%. Однако их наличие может быть критически важным для достижения заданных параметров эффективности и долговечности. Поэтому, несмотря на относительно низкий объём потребления, РЗМ остаются стратегически важными для развития солнечной энергетики.

Другие применения в альтернативной энергетике

Редкоземельные металлы играют важную роль в различных аспектах альтернативной энергетики, включая топливные элементы, водородную энергетику, умные сети и системы хранения энергии.

В умных сетях (smart grids) редкоземельные металлы играют важную роль в создании высокоточных датчиков, сверхпроводников и систем управления нагрузкой. Например, тербий используется в материалах, применяемых в датчиках напряжения и тока, а иттербий – в оптоволоконных усилителях, которые обеспечивают надёжную передачу данных в распределённых энергосистемах. В системах хранения энергии, особенно в новых поколениях батарей, такие элементы, как неодим, диспрозий и лютеций, могут быть задействованы в материалах с повышенной устойчивостью к циклическим нагрузкам.

Кроме того, наблюдается рост интереса к интеграции РЗМ в технологии искусственного интеллекта и цифровой энергетики. Например, иттербий рассматривается как перспективный материал для квантовых компьютеров, а европий и гадолиний – для создания компонентов, используемых в высокопроизводительных вычислительных системах. Таким образом, сфера применения редкоземельных металлов продолжает расширяться, охватывая всё более сложные и инновационные технологии.

Электромобили

Электромобили являются одним из самых быстро растущих секторов, зависящих от редкоземельных металлов. Основным потребителем здесь выступает двигатель переменного тока с постоянными магнитами (PMSM), в котором используются неодим и диспрозий. По данным USGS, один электромобиль среднего класса содержит от 1 до 2 кг неодима и от 0,5 до 1 кг диспрозия. Эти элементы обеспечивают высокую плотность магнитного поля, позволяя создавать компактные и мощные двигатели,

которые одновременно экономичны и надёжны.

Применение РЗМ в электродвигателях позволяет достичь высокой удельной мощности, компактности и эффективности преобразования энергии, что критически важно для увеличения запаса хода и снижения массы транспортного средства. Однако рост масштабов производства электромобилей создаёт риск дефицита редкоземельных металлов, особенно диспрозия, который имеет ограниченные мировые запасы и высокую стоимость. В ответ на это автопроизводители и исследовательские институты активно разрабатывают альтернативные конструкции двигателей, которые полностью исключают использование РЗМ. Тем не менее, NdFeB-магниты остаются предпочтительным вариантом для многих моделей, особенно высокопроизводительных, таких как Porsche Taycan и Toyota Prius Prime.

Географическое распределение редкоземельных металлов и его влияние на развитие «зелёной» энергетики

Основные месторождения РЗМ сосредоточены в нескольких регионах мира. Одним из крупнейших источников является шахта Байан-Обо в Китае, расположенная во Внутренней Монголии, которая обеспечивает около 50% мирового производства редкоземельных металлов. Также значимыми месторождениями считаются Томтор в России (Якутия), Mountain Pass в США (Калифорния), Mount Weld в Австралии и китайское месторождение Ионные адсорбционные руды в провинции Цзянси, богатое тяжёлыми РЗМ.

По данным USGS (2023), в 2022 году мировое производство редкоземельных металлов составило около 300 тыс. тонн, из которых свыше 60% пришлось на Китай. США, Россия, Австралия, Индия и ЮАР также являются заметными игроками на рынке. Однако добыча – лишь одна часть проблемы. Переработка и разделение редкоземельных элементов представляет собой гораздо более сложный и капиталоемкий процесс, чем просто добыча сырья. Именно здесь доминирующие позиции занимает Китай, контролирующий около 85% мировых мощностей по рафинации (очистки от примесей) и разделению РЗМ (IEA, 2022). Это создаёт значительные риски для глобальных цепочек поставок, особенно для стран, стремящихся развивать «зелёные» технологии, но зависящие от экспорта переработанных редкоземельных металлов.

Уязвимость глобальных цепочек поставок РЗМ проявляется в том, что ни одна страна вне Китая не обладает полным циклом производства – от добычи до изготовления готовых материалов. Например, Mountain Pass добывает сырьё, но отправляет его в Китай для переработки. Аналогичная ситуация наблюдается в ЕС и США, где местная перерабатывающая инфраструктура находится на начальном этапе развития. По данным Chatham House, только 1% мировых мощностей по переработке РЗМ находится за пределами Китая, что подчеркивает необходимость диверсификации источников.

Таким образом, географическая концентрация производства и переработки редкоземельных металлов создаёт структурную уязвимость для мировой «зелёной» энергетики, особенно в условиях роста спроса и усиления геополитической напряжённости. В то время как Китай контролирует ключевые ресурсы и технологии, страны Запада сталкиваются с проблемами регулирования, экологическими ограничениями и высокими капитальными затратами на создание новых предприятий. Вместе с тем, такие проекты, как Lynas Rare Earths в Малайзии и Nechalacho в Канаде, демонстрируют возможность создания альтернативных цепочек поставок, хотя их масштаб пока недостаточен для замещения китайского доминирования.

Технологические инновации и пути снижения зависимости от редкоземельных металлов

Научные и промышленные исследования направлены на уменьшение зависимости от редкоземельных металлов, особенно в критических технологиях, таких как электромобили и ветроэнергетика. Одним из главных направлений является разработка заменителей РЗМ. Например, учёные из MIT и Argonne National Laboratory работают над созданием новых магнитных материалов на основе железа и кобальта, обладающих сопоставимыми с NdFeB характеристиками. В автомобильной промышленности компании Tesla и Toyota внедряют конструкции двигателей, в которых используется меньше или совсем нет редкоземельных металлов.

Ещё одной важной стратегией является вторичная переработка редкоземельных металлов из отработанных устройств. По оценкам IRENA (2021), к 2030 году объём редкоземельных металлов, которые можно будет извлечь из списанных электромобилей и ветрогенераторов,

составит около 10 тыс. тонн в год. Современные технологии, такие как гидрометаллургические процессы с использованием ионных жидкостей, позволяют эффективно извлекать РЗМ из отходов электроники и старых приборов. Например, японская компания Hitachi разработала технологию, позволяющую извлекать до 90% неодима из старых жёстких дисков и холодильников.

Инвестиции в новые месторождения и развитие внутренней добычи также становятся важным элементом стратегии обеспечения ресурсной безопасности. В США проект Mountain Pass, принадлежащий MP Materials, увеличивает мощности добычи и планирует наладить полный цикл переработки к 2026 году. Европейская комиссия также включила РЗМ в список стратегических сырьевых материалов и финансирует программы по развитию местной переработки и добычи. Таким образом, сочетание технологических инноваций, вторичной переработки и развития внутреннего производства позволяет снизить зависимость от импорта РЗМ и повысить устойчивость «зелёной» энергетики.

Заключение

Редкоземельные металлы играют центральную роль в современных технологиях альтернативной энергетики, обеспечивая высокую эффективность, компактность и надёжность ключевых компонентов систем генерации, хранения и распределения энергии. Их уникальные магнитные, оптические и каталитические свойства делают их незаменимыми в производстве ветрогенераторов, электродвигателей для электромобилей, топливных элементов и других инновационных устройств. Однако зависимость от ограниченных источников и геополитическая концентрация производства РЗМ создают серьёзные риски для устойчивости глобальных цепочек поставок и темпов декарбонизации энергетики.

Для преодоления этих вызовов необходимы комплексные меры, включающие развитие новых месторождений вне Китая, модернизацию перерабатывающей инфраструктуры, стимулирование вторичной переработки, а также исследования в области замены РЗМ на более доступные материалы. Успех этих усилий будет зависеть от международного сотрудничества, государственной политики, инвестиций в научные разработки и технологической интеграции.

Только при условии стратегического подхода к управлению ресурсами редкоземельных металлов можно будет обеспечить устойчивое развитие «зелёной» энергетики и выполнение целевых показателей по снижению выбросов парниковых газов, установленных Парижским соглашением и другими международными обязательствами.

Литература

1. International Energy Agency (IEA). The Role of Critical Minerals in Clean Energy Transitions [Электронный ресурс] / IEA. – Париж, 2021. – Режим доступа: <https://www.iea.org/reports/the-role-of-critical-minerals-in-clean-energy-transitions>.
2. U.S. Geological Survey (USGS). Mineral Commodity Summaries 2023: Rare Earths [Электронный ресурс] / USGS. – Вашингтон, 2023. – Режим доступа: <https://pubs.usgs.gov/periodicals/mcs2023/mcs2023.pdf>.
3. European Commission. Critical Raw Materials Resilience: Securing Supply Chains and Fostering Sustainable EU Industries [Электронный ресурс] / Европейская комиссия. – Брюссель, 2020. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/growth/industries/raw-materials/strategy_en.
4. Chatham House. Securing the Supply of Critical Minerals for the Energy Transition [Электронный ресурс] / Chatham House. – Лондон, 2021. – Режим доступа: <https://www.chathamhouse.org/2021/06/securing-supply-critical-minerals-energy-transition>.
5. World Bank. Minerals for Climate Action: The Mineral Intensity of the Clean Energy Transition [Электронный ресурс] / Всемирный банк. – Вашингтон, 2020. – Режим доступа: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/34233>.
6. BloombergNEF. Energy Transition Outlook 2022 [Электронный ресурс] / Bloomberg New Energy Finance. – Нью-Йорк, 2022. – Режим доступа: <https://about.bnef.com/energy-transition-outlook/>.
7. McKinsey & Company. The future of battery materials: Demand outlook to 2030 and beyond [Электронный ресурс] / McKinsey & Company. – Нью-Йорк, 2021. – Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/industries/metals-and-mining/our-insights/the-future-of-battery-materials>.
8. National Research Council (NRC). Minerals, Critical Minerals, and the U.S. Economy [Текст] / National Academies Press. – Вашингтон, 2014. – 182 с.
9. Alonso E. et al. Assessing rare earth element markets: Risks confronting emerging technologies [Текст] // Environmental Science & Technology. – 2012. – Т. 46, № 7. – С. 3406-3414.
10. Du X., Graedel T.E. On the circularity of magnesium use [Текст] // Resources, Conservation and Recycling. – 2011. – Т. 55, № 11. – С. 940-947.
11. Liu R., Logsdon M.J. The world's leading source of rare earths – Mountain Pass, USA [Текст] // Elements. – 2010. – Т. 6, № 5. – С. 307-311.
12. Takeda M. et al. Development of Dysprosium-Free Permanent Magnets for Automotive Applications [Текст] // IEEE Transactions on Magnetics. – 2018. – Т. 54, № 3. – С. 1-5.
13. Orris B.J. et al. The Economics of Rare Earth Elements: Understanding Market Dynamics and Investment Opportunities [Текст] / Orris B.J., Mosher K., Miller C. – Springer, 2017. – 198 с.
14. United Nations Environment Programme (UNEP). Global Resources Outlook 2021 [Электронный ресурс] / Программа ООН по окружающей среде. – Найроби, 2021. – Режим доступа: <https://www.resourcepanel.org/global-resources-outlook>.
15. Lynas Corporation. Sustainable Rare Earths Production [Электронный ресурс] / Lynas Corporation. – Австралия, 2023. – Режим доступа: <https://www.Lynascorp.com>.

MELENTOVICH Nikita Olegovich

Master's Student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs,
Russia, Moscow

THE ROLE OF RARE EARTH METALS IN THE DEVELOPMENT OF ALTERNATIVE ENERGY

Abstract. *Rare earth metals (REM) play a key role in the development of modern alternative energy technologies, increasing the efficiency and reliability of products in areas such as wind energy, solar energy, electric vehicles, and smart energy systems. The article discusses the properties of rare earth elements, their classification, as well as their application in critical components of "green" technologies. The geographical distribution of REM is analyzed, and modern strategies for reducing dependence on REM imports are presented.*

Keywords: *rare earth metals, alternative energy, electric vehicles, wind energy, solar power, resource security, recycling, geopolitics, supply chains, future technologies.*

СУЗДАЛЬЦЕВА Юлия Сергеевна

студентка,

Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»,
Россия, г. Новосибирск

РОЛЬ ВНЕБЮДЖЕТНЫХ ИСТОЧНИКОВ ФИНАНСИРОВАНИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматривается проблема обеспечения экономической безопасности муниципальных дошкольных образовательных учреждений. Основное внимание уделяется анализу структуры финансирования, в которой ключевую роль наряду с неполным бюджетным финансированием играют внебюджетные источники, прежде всего родительская плата. Исследуются основные виды внебюджетных поступлений и их значение для стабильного функционирования учреждений.

Ключевые слова: экономическая безопасность, муниципальные дошкольные учреждения, финансирование ДОУ, внебюджетные доходы, родительская плата, платные образовательные услуги, финансовая устойчивость.

Обеспечение экономической безопасности муниципальных дошкольных учреждений напрямую связано с надёжностью их финансовых поступлений и достаточностью ресурсов для выполнения уставных задач. Эксперты подчёркивают, что экономическая безопасность является неотъемлемым компонентом образовательной системы, обеспечивающим возможность устойчивого функционирования учреждения в сложных экономических условиях [2, с. 46–50]. При этом муниципальные ДОУ в России финансируются преимущественно за счёт местного бюджета и обязательных платежей родителей. Бюджетное финансирование по нормативам часто оказывается неполным, и государственные ассигнования не покрывают всех потребностей. Так, значительная часть доходов ДОУ формируется за счёт платы родителей за присмотр и уход в дошкольных группах. Оплата родителями дополнительных услуг и питания позволяет закрывать часть расходов, не покрываемых бюджетом, однако в целом данные средства составляют лишь несколько процентов от общей суммы финансирования учреждения. Согласно данным НИУ ВШЭ, родительская плата является основным внебюджетным доходом дошкольного учреждения – в опросе руководителей ДОУ большинство ответов показали именно эту статью доходов [5].

В силу ограниченности бюджетных средств дошкольный образовательный комплекс

вынужден искать дополнительные внебюджетные источники доходов. Под внебюджетным финансированием понимают поступления, получаемые учреждением от выполнения платных работ и оказания услуг на основе гражданско-правовых договоров и иные средства, не относящиеся к прямым бюджетным ассигнованиям. К основным категориям таких поступлений относятся доходы от платных образовательных и дополнительных услуг, родительские взносы за присмотр и продлённый день детей, доходы от реализации научно-производственной продукции или оказания вспомогательных услуг и арендная плата за помещения учреждения. Некоторые муниципальные детские сады получают гранты на образовательные проекты и целевые пожертвования от общественных и благотворительных организаций. Так, введение нормативно-подушевого финансирования и расширение самостоятельности образовательных учреждений открыло ДОУ возможности развивать комплекс услуг за счёт получателей – то есть формировать внебюджетный доход. При этом опросы руководителей ДОУ показывают, что в разных регионах и городах степень использования внебюджетных поступлений варьируется, но родительская плата обычно остаётся наиболее значимой внебюджетной статьёй доходов.

Полученные внебюджетные ресурсы нужны для расширения возможностей ДОУ и улучшения качества образовательного процесса. По

оценкам исследователей, за счёт внебюджетной деятельности образовательные организации Москвы пополняют свой бюджет примерно на 5% к объёму бюджетного финансирования. Освоение дополнительных средств позволяет детскому дошкольному учреждению улучшать материально-техническую базу и развивать инфраструктуру. По словам А. Баркаловой, средства внебюджетного финансирования могут быть направлены на развитие учреждения и повышение заработной платы сотрудников [3, с. 387-389]. Эксперты журнала «Современное дошкольное образование» отмечают, что внебюджетные поступления помогают удовлетворять растущие запросы родителей на дополнительные образовательные программы, повышают конкурентоспособность учреждения и стимулируют профессиональное развитие педагогов [4]. В частности, данные средства открывают возможности внедрять инновационные проекты (кружки робототехники или новые образовательные технологии), быстро реагировать на потребности семей и усиливать творческий потенциал воспитанников.

В долгосрочной перспективе диверсификация финансовых поступлений через внебюджетные каналы укрепляет экономическую устойчивость муниципального учреждений. Одним из внешних рисков экономической безопасности учреждения является недостаточное или несвоевременное поступление бюджетных субсидий. Привлечение дополнительных доходов позволяет сгладить последствия таких сбоев в финансировании и снизить риск дефицита средств. Поддержка со стороны родителей и бизнеса посредством грантов и пожертвований создаёт финансовую подушку, защищающую ДООУ от экономических потрясений. В научных исследованиях подчёркивается важность фандрайзинга: предлагается широко использовать технологии взаимодействия с родителями, выпускниками и представителями бизнеса для повышения уровня финансовой безопасности образовательного учреждения [1]. Кроме того, внебюджетные поступления дают возможность поддерживать мотивацию педагогов: направляя эти доходы на премии и повышение заработной платы, администрация ДООУ снижает кадровые риски и способствует удержанию квалифицированных специалистов.

Именно поэтому эффективное привлечение и целевое использование внебюджетных источников финансирования становится ключевым условием обеспечения экономической

безопасности дошкольного учреждения. Муниципальные образовательные организации обязаны планировать сметы с учётом потенциальных внебюджетных поступлений и расходовать их в рамках уставных целей. Современные российские законы допускают оказание платных дополнительных услуг и привлечение добровольных пожертвований при строгом контроле со стороны управленческих органов, что создаёт правовую основу для такой деятельности. Грамотное управление внебюджетными ресурсами повышает финансовую автономию детского сада, помогает оперативно реагировать на изменяющиеся потребности и укрепляет общую экономическую устойчивость муниципальной дошкольной образовательной системы.

Литература

1. Алимova Н.К. Экономическая безопасность образовательного учреждения в условиях становления инновационной экономики: дис. канд. экон. наук: 08.00.05 / Н.К. Алимova. – 2009. – 186 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/ekonomicheskaya-bezopasnost-obrazovatel'nogo-uchrezhdeniya-v-usloviyakh-stanovleniya-innovats> (дата обращения: 20.01.2026).
2. Банк С.В. Экономическая безопасность образовательных организаций как важная составляющая экономической безопасности государства / С.В. Банк // Russian Journal of Management. – 2020. – № 2. – С. 46-50 (дата обращения: 20.01.2026).
3. Баркалова А.С. Внебюджетные источники финансирования образовательных организаций / А.С. Баркалова // Молодой ученый. – 2018. – № 22 (208). – С. 387-389. – URL: <https://moluch.ru/archive/208/50871> (дата обращения: 20.01.2026).
4. Внебюджетное финансирование детских садов: успешные кейсы и новые возможности // Современное дошкольное образование. – 2025. – URL: <https://sdo-journal.ru/info/news/vnebyudzhetnoe-finansirovanie-detskikh-sadov-uspeshnye-keysyi-novye-vozmozhnosti> (дата обращения: 20.01.2026).
5. Доля внебюджетных средств в расходах (по видам расходов) // Мониторинг экономики образования. – Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2010. – URL: https://memo.hse.ru/ind_w08_2_09 (дата обращения: 20.01.2026).

SUZDAL'TSEVA Yulia Sergeevna

Student, Novosibirsk State University of Economics and Management "NINH",
Russia, Novosibirsk

**THE ROLE OF EXTRA-BUDGETARY SOURCES OF FINANCING
IN ENSURING THE ECONOMIC SECURITY OF MUNICIPAL PRESCHOOL
EDUCATIONAL INSTITUTIONS**

Abstract. *The article considers the problem of ensuring the economic security of municipal preschool educational institutions. The main attention is paid to the analysis of the financing structure, in which non-budgetary sources, primarily parental fees, play a key role along with incomplete budget financing. The main types of extra-budgetary receipts and their importance for the stable functioning of institutions are investigated.*

Keywords: *economic security, municipal preschool institutions, financing of preschool institutions, extra-budgetary incomes, parental fees, paid educational services, financial stability.*

ЧЕРНОВА Юлия Алексеевна

студентка, Ульяновский государственный технический университет, Россия, г. Ульяновск

*Научный руководитель – доцент кафедры экономической теории
Ульяновского государственного технического университета,
кандидат экономических наук Штурмина Ольга Сергеевна*

ФИНАНСОВАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ: МЕТОДИКА АНАЛИЗА И ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются методика анализа финансовой устойчивости организации, а также рассмотрены проблемы повышения уровня финансовой устойчивости.

Ключевые слова: финансовая устойчивость, методика анализа, анализ, проблемы, показатели, активы, организация.

Финансовая устойчивость является важнейшим компонентом финансового состояния компании, приобретающим в современных нестабильных условиях особую актуальность.

Предприятие функционирует благодаря использованию собственных источников финансирования активов, а при его недостаточности – за счет привлеченных извне. Это значит, что устойчивость финансового состояния организации во многом зависит от степени оптимизации соотношения собственного и заемного капитала организации. Финансовая устойчивость организации является фактором ее существования, стабильного функционирования и коммерческого роста.

Абрютин М. С. утверждает, что финансовая устойчивость означает формирование необходимых денежных средств и их эффективное использование для ведения финансово-хозяйственной деятельности нормальном уровне [4, с. 98]. По словам Губиной О. В., финансовая устойчивость характеризует эффективное формирование, распределение и использование финансов [4, с. 67].

Главным образом, финансовую устойчивость определяет на основе имеющейся структуры капитала организации, соотношение внутренних и внешних источников финансирования деятельности, краткосрочных и долгосрочных обязательств, а также обеспеченности текущих активов собственными финансовыми средствами.

Вышеперечисленные элементы финансового состояния компании дают возможность проводить анализ и оценку ее обеспеченности

финансовыми ресурсами в течение определенного срока, способность погашать образовавшиеся задолженности, бесперебойно функционировать, а также реализовывать свою продукцию.

Проведение анализа устойчивости финансового положения дает возможность партнерам, конкурентам, инвесторам оценить на долгосрочный период финансовые возможности компании, определяющиеся на основе доли собственных и заемных средств в совокупном капитале, уровня взаимодействия с кредиторами и инвесторами, условий привлечения, эффективности реализации и качества обслуживания внешних источников финансирования.

Оценка способности организации погашать имеющиеся долговые обязательства и сохранение своего права на владение имуществом компании в течение долгого периода есть важнейшая цель осуществления анализа финансовой устойчивости. Вместе с тем необходимо выполнять следующие задачи [1, с. 12]:

- реализация достоверной и независимой оценки финансовой устойчивости предприятия;
- установление внешних и внутренних факторов, которые могут в определенной степени влиять на финансовую устойчивость;
- разработка мероприятий, направленных на рост уровня финансовой устойчивости компании.

Благодаря анализу финансовой устойчивости организация может эффективнее регулировать финансовую и производственно-хозяйственную деятельность, а именно [1, с. 14]:

- своевременно и в полном объеме ликвидировать кредиты и прочие долговые обязательства;
- определять реальную доходность;
- получать и наращивать прибыль для выплаты дивидендов;
- определять уровень доходности и рисков от инвестиционных вложений.

При высоком уровне финансовой устойчивости вложенные средства в производство полностью окупаются за счет денежных поступлений от управления, а полученная прибыль гарантирует автономию и независимость организации от внешних источников финансирования активов [3, с. 28].

Помимо этого, основой независимости предприятия являются его размещенные активы, их источники формирования, наличие собственных активов и степень самофинансирования.

Однако, следует акцентировать внимание на том, что ведение финансово-хозяйственной деятельности только за счет собственных денежных вложений не всегда целесообразно, поскольку тогда не достигается максимальная экономическая рентабельность компании [3, с. 15].

Если у предприятия относительно невысокий уровень расходов по отношению к привлеченным активам, и оно способно обеспечить более высокий уровень рентабельности использования активов, чем плата за них, то, осуществляя дополнительное привлечение внешних источников финансирования активов, руководство в значительной степени увеличивает показатель рентабельности собственного капитала.

В то же время, если текущие обязательства выступают основным источником образования активов фирмы, то растет риск приобретения неустойчивого финансового положения.

При наличии краткосрочных обязательств управленческому штабу предприятия необходимо постоянно осуществлять контроль за их своевременным возвратом и привлечением в хозяйственную деятельность через текущие обязательства других активов [1, с. 119].

На уровень финансовой устойчивости имеет огромное влияние степень оптимизации соотношения собственных и заемных средств.

Благодаря оценке показателей структуры капитала можно определить тип финансовой устойчивости [5, с. 154]:

1. Абсолютная финансовая устойчивость;

2. Нормальная устойчивость финансового состояния, обеспечивающая платежеспособность организации;
3. Неустойчивое финансовое состояние;
4. Кризисное финансовое состояние.

На предприятиях с абсолютной финансовой устойчивостью величина собственных оборотных средств в полном объеме обеспечивает покрытие запасов и затрат. Влияние заемных источников формирования активов на фирмы минимальное. На практике такой тип финансовой устойчивости устанавливается редко.

Нормальная финансовая устойчивость означает, что предприятие оптимально использует привлеченные кредиты и займы. Оборотные активы значительно преобладают над кредиторской задолженности.

Относительно низкий уровень платежеспособности и доходности производства отражают ситуацию неустойчивого финансового положения. В таком случае, управленческим штабом осуществляется дополнительный поиск различных источников покрытия запасов и затрат. Однако, фирма еще может укрепить позиции на рынке.

Кризисное финансовое положение предполагает ближайшее банкротство фирмы. На ее счетах отображаются просроченные выплаты по кредитам и дебиторской задолженности.

Анализ финансовой устойчивости позволяет понять, правильно ли предприятие реализовывает собственные и привлеченные финансовые ресурсы в течение определенного периода, предшествующего этой дате.

Состояние денежных ресурсов должно соответствовать условиям рынка и отвечать финансовым потребностям предприятия, поскольку неустойчивое финансовое положение ведет к неплатежеспособности предприятия и отсутствию у него средств для развития производства и продвижения продукции.

При этом избыточная финансовая устойчивость также может препятствовать развитию и обременять затраты предприятия излишней величиной запасов и накопившихся резервов.

Анализ финансовой устойчивости организации осуществляется на основе расчета ее абсолютных и относительных показателей, а также классификационного подхода.

К абсолютным показателям финансовой устойчивости относят чистые активы, собственные оборотные средства, наличие собственных и долгосрочных, а также общих

источников формирования запасов и затрат [2, с. 64].

Относительные показатели включают в себя систему коэффициентов, основанных на соотношении между активом и пассивом баланса организации.

И, наконец, классификационный подход позволяет определить тип финансовой устойчивости компании.

Освобожденные от обязательств активы называются чистыми активами. Результат показателя характеризует уровень самофинансирования имущества компании. Предприятие должно стремиться к максимизации чистых активов.

$$ЧА = А - О, \quad (1)$$

Где:

А – активы;

О – обязательства.

Отрицательные чистые активы – признак несостоятельности организации, говорящий о том, что фирма полностью зависит от кредиторов и не имеет собственных средств.

Собственные оборотные средства величиной капитала в текущем обороте. Рассчитываются как разность суммарных оборотных активов фирмы и текущих обязательств.

Оценка показателей показывает способность предприятия полностью рассчитаться по краткосрочным кредитам и займам при условии реализации всех своих текущих активов [5, с. 7].

$$СОС = ОБА - КО, \quad (2)$$

Где:

ОБА – оборотные активы;

КО – краткосрочные обязательства.

В случае преобладания оборотных активов над текущими обязательствами величина собственных оборотных средств принимает

положительное значение, что и является нормой. Превышение краткосрочных обязательств над оборотными активами устанавливает негативную тенденцию и ведет к неустойчивости финансовых позиций компании на конкурентном рынке.

Наличие собственных и долгосрочных источников формирования запасов и затрат (СДИ) показывает степени их обеспеченности на длительный срок.

$$СДИ = СОС + ДО, \quad (3)$$

Где ДО – долгосрочные обязательства.

Показателем достаточности суммарного капитала фирмы для покрытия запасов является показатель наличия общих источников формирования запасов (ОИ).

$$ОИ = СДИ + КО, \quad (4)$$

Где КО – краткосрочные обязательства.

В результате можно определить три показателя обеспеченности запасов источниками их финансирования.

1. Излишек (+), недостаток (-) собственных оборотных средств ($\Delta СОС$):

$$\Delta СОС = СОС - З, \quad (5)$$

Где З – запасы.

2. Излишек (+), недостаток (-) собственных и долгосрочных источников финансирования запасов ($\Delta СД$):

$$\Delta СДИ = СДИ - З, \quad (6)$$

3. Излишек (+), недостаток (-) общей величины основных источников покрытия запасов ($\Delta ОИ$):

$$\Delta ОИ = ОИ - З, \quad (7)$$

Приведенные показатели обеспеченности запасов соответствующими источниками финансирования трансформируют в трехфакторную модель (М):

$$М = (\Delta СОС; \Delta СДИ; \Delta ОИ), \quad (8)$$

Таблица

Определение типа финансовой устойчивости организации

Тип финансовой устойчивости	Трехмерная модель
Абсолютная устойчивость	М ($\Delta СОС > 0$; $\Delta СДИ > 0$; $\Delta ОИ > 0$)
Нормальная устойчивость	М ($\Delta СОС < 0$; $\Delta СДИ > 0$; $\Delta ОИ > 0$)
Неустойчивое финансовое состояние	М ($\Delta СОС < 0$; $\Delta СДИ < 0$; $\Delta ОИ > 0$)
Кризисное финансовое состояние	М ($\Delta СОС < 0$; $\Delta СДИ < 0$; $\Delta ОИ < 0$)

Показатели структуры капитала (финансовой устойчивости) представляют собой группу относительных показателей, позволяющих определить тип финансовой устойчивости организации [6, с. 217]:

1. Коэффициент автономии (K_A) характеризует степень влияния сторонних кредиторов на

состояние компании. Увеличение коэффициента свидетельствует о снижении зависимости предприятия от заемных средств и дает дополнительные возможности для привлечения инвестиций. Оптимальное значение 0,6–0,7.

$$K_A = \frac{\text{Собственный капитал}}{\text{Валюта баланса}}, \quad (9)$$

2. Коэффициент концентрации заемного капитала ($K_{КЗК}$) степень финансирования имущества организации заемными источниками. Оптимальное его значение в пределах 0,1–0,5.

$$K_{КЗК} = \frac{\text{Заемный капитал}}{\text{Валюта баланса}}, \quad (10)$$

3. Коэффициент капитализации (K_K) представляет собой соотношение заемных и собственных средств. Нормальное значение ≤ 1 . Чем дальше коэффициент от 1, тем в большей мере компания находится под влиянием внешних кредиторов.

$$K_K = \frac{\text{Заемный капитал}}{\text{Собственный капитал}}, \quad (11)$$

4. Коэффициент финансирования (K_Φ) показывает, какая часть деятельности финансируется за счет собственных средств, а какая – за счет заемных. Нормативное значение ≥ 1 .

$$K_\Phi = \frac{\text{Собственный капитал}}{\text{Заемный капитал}}, \quad (12)$$

5. Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами ($K_{ОбСОС}$) показывает степень обеспеченности текущей деятельности организации собственными источниками. Нормальное значение: 0,1 и более.

$$K_{ОбСОС} = \frac{\text{Собственные оборотные средства}}{\text{Оборотные активы}}, \quad (13)$$

6. Коэффициент маневренности собственных оборотных средств ($K_{МСОС}$) позволяет установить, как часть собственных средств находится в текущем обращении. Оптимальное значение в пределах 0,3–0,6.

$$K_{МСОС} = \frac{\text{Собственные оборотные средства}}{\text{Собственный капитал}}, \quad (14)$$

7. Коэффициент финансовой устойчивости ($K_{ФУ}$) показывает, какая часть общей стоимости активов предприятия сформирована за счет наиболее надежных источников финансирования. Рекомендуемым значением этого коэффициента является 0,9, критическим – 0,75.

$$K_{ФУ} = \frac{\text{Собственный капитал} + \text{Долгосрочные обязательства}}{\text{Активы}}, \quad (15)$$

Важным показателем при диагностике финансовой устойчивости организации выступает эффект финансового рычага. Данный показатель показывает, каким образом управление заемным капиталом оказывает влияние на рентабельность собственного капитала.

$$\text{ЭФР} = (1 - \text{НП}) \times (\text{РК} - \text{СРПС}) \times \frac{\text{ЗК}}{\text{СК}}, \quad (16)$$

Где НП – налог на прибыль;

R_k – рентабельность капитала;

СРПС – среднерасчетная процентная ставка по кредиту;

ЗК – заемный капитал;

СК – собственный капитал.

Таким образом, рентабельность собственного капитала зависит от налогового бремени, уровня экономической рентабельности,

величины процента по привлечению займов и соотношения собственного и привлеченного капитала организации в части кредитов.

Это значит, что сокращение собственных источников финансирования компании на фоне роста заемного капитала способствует росту вышеуказанного показателя. В то же время, высокая рентабельность капитала, минимизация стоимости привлечения кредитов и займов, а также налогового бремени выступают фактором положительной динамики эффекта финансового рычага.

Эффекта финансового рычага приобретает отрицательную тенденцию при сокращении уровня получаемой прибыли. Для решения данной проблемы необходимо оптимизировать структуру капитала с целью ликвидации расходов на уплату высоких процентов по привлеченным займам и наращивать величину рентабельности капитала.

Акцентирует внимание на важный регулятор уровня эффекта финансового рычага – структуру капитала организации.

Доказательством эффективности привлечения внешних кредитов и займов является то, что высокая доля заемных средств в общем объеме капитала выступает основанием роста рентабельности собственного капитала.

Вместе с тем прослеживается определенное противоречие финансовой устойчивостью и рентабельностью собственного капитала. Ведь рост рентабельности собственного капитала за счет наращивания заемных источников финансирования фирмы ведет к падению ее платежеспособности и финансовой устойчивости [8, с. 14].

Данная ситуация складывается за счет сокращения собственного капитала на фоне все большего приумножения уровня внешнего финансирования деятельности компании.

Для решения этой проблемы в целях поиска оптимальной структуры капитала, устанавливающей благоприятный уровень и финансовой устойчивости, и рентабельности собственного капитала целесообразно установить предел роста коэффициента финансового рычага.

В реализации поиска оптимального уровня коэффициента финансового рычага используем методику М. Н. Крейниной. Автор предполагает, что именно приравнивание запасов к собственным оборотным средств позволит достичь необходимого уровня вышеуказанного коэффициента. Иначе говоря, запасы предприятия должны быть в полном объеме обеспечены

ее собственными средствами. Тогда как, другая часть текущих активов может обеспечиваться текущими источниками. Для расчета необходимой величины соотношения собственного и заемного капитал следует использовать формулу (17) [1, с. 256]:

$$\frac{ЗК}{СК} = \frac{\text{Долгосрочные обязательства} + \text{Оборотные активы} - \text{Запасы}}{\text{Запасы} + \text{Внеоборотные активы} - \text{Долгосрочные обязательства}}, \quad (17)$$

В том случае, когда имеющаяся величина коэффициента финансового рычага результат превышает над рассчитанным необходимым уровнем, запасы полностью не обеспечены суммой собственных оборотных средства и долгосрочных кредитов, что ведет к потере нормальной финансовой устойчивости.

При оптимизации структуры капитала ООО также важно учитывать соотношение чистых активов (ЧА) и уставного капитала (УК) [8, с. 11]:

ЧА > УК – деятельность осуществится эффективно;

ЧА < УК – требуется наращивание суммы чистых активов;

ЧА < min УК (10 000 руб.) – деятельность осуществляется неэффективно, предприятию грозит ликвидация.

Для установления минимального уровня рентабельности активов используется показатель средневзвешенной стоимости капитала (WACC).

Показатель характеризует минимальную доходность, которую компания должна обеспечить на имеющийся капитал для удовлетворения ожиданий всех своих инвесторов, и уровень расходов, которые предприятие несет за возможность осуществления своей деятельности благодаря привлечению собственных и заемных средств. Чем выше ставка WACC, тем больше дохода должна будет сгенерировать компания для покрытия расходов.

$$WACC = \frac{E}{V} \times R_e + \frac{D}{V} \times R_d \times (1 - T), \quad (18)$$

Где E – собственные средства;

V – общий объем капитала;

R_e – стоимость собственного капитала;

D – заемные средства;

R_d – стоимость кредитов и других видов займов;

T – ставка налога на прибыль.

Для контроля и эффективного управления структурой капитала можно выделить три неравенства стоимости капитала и экономической рентабельности:

1. R_к > WACC: неравенство говорит о результативном использовании финансовых ресурсов, эффективном использовании капитала и росте стоимости компании;

2. R_к = WACC: рентабельность капитала обрывает равенство со средней стоимостью капитала. Эффект от использования собственных и привлеченных финансовых ресурсов не превышает их стоимость;

3. R_к < WACC: неравенство показывает, что эффект от использования собственных и привлеченных средств компании меньше стоимости этих средств, что говорит об их неэффективном использовании.

Для полной и комплексной оценки степени финансовой устойчивости фирмы осуществим поиск и анализ ее основополагающих факторов.

Используем метод детерминированного факторного анализа с целью исследования воздействия коэффициента обеспеченности собственными оборотными средствами, коэффициента мобильных и иммобилизованных средств, индекса постоянного актива на величину коэффициента маневренности собственного капитала [8, с. 101]:

$$\frac{COC}{СК} = \frac{COC}{ОбА} \times \frac{ОбА}{ВНА} \times \frac{ВНА}{СК}, \quad (19)$$

Где ВНА – внеоборотные активы.

Неоптимальное соотношение собственного и заемного капитала, участвующие в функционировании компании, представляет собой одну из главных проблем роста уровня ее финансовой устойчивости.

Данная проблема прослеживается в организациях, которые привлекают заемные средства для достижения целевой прибыли. При соблюдении определенных условий растет эффект финансового рычага и платежеспособность предприятия. Параллельно, наблюдается снижение степени ее автономии и независимости от внешних кредиторов [8, с. 14].

Нарушение балансового соотношения собственных и привлеченных извне финансовых ресурсов реализации деятельности при нестабильных и резких экономических колебаниях подвергает компанию с дефицитом запасов и сформированных резервов к риску неуплаты возникших обязательства и банкротства [5, с. 104].

Для того чтобы ликвидировать вышеуказанную проблему, руководству фирмы необходимо оптимизировать структуру баланса, т. е. сохранять целесообразную величину заемных средств в структуре пассивов баланса для максимизации получаемого дохода, а также рационально инвестировать собственные денежные средства в производство.

Увеличение величины внешних источников финансирования деятельности компании предполагает и рост выплачиваемых по ним кредитных процентов.

Это, в свою очередь, негативно влияет на рост инвестирования части чистой прибыли в оборотные активы организации [2, с. 160].

Отсюда возникает ещё одна проблема повышения устойчивости финансового положения – увеличение доли кредитных ресурсов для реализации продукции при неизменной доле собственного капитала в структуре совокупного капитала, вкладываемого учредителями фирмы, или его сокращении [4, с. 98].

Трудностью при повышении уровня финансовой устойчивости фирмы может выступать и дефицит текущих активов. Для нивелирования этой проблемы следует проводить переоценку инвестируемых средств посредством анализа финансовых результатов от этих вложений, т. е. мониторинг степени их эффективности в различные проекты.

Данная система контроля результатов дает возможность укрепить финансовое положение организации и преумножить величину доходов от ее деятельности.

Правильное распределение полученной прибыли является еще одним решением проблемы, препятствующей повышению устойчивости финансового положения компании. Руководству компании необходимо направлять прибыль в расширение производства, сокращая уровень расходов, например, на управленческие нужды [3, с. 229].

Одним из важнейших направлений повышения финансовой устойчивости непосредственно стратегия выбранных управленцами действий в течение определенного периода.

Нередко отсутствие у организации обоснованной финансовой стратегии в тенденции ведет к потере упущению большой степени дохода и устойчивого положения на конкурентном рынке. Данная проблема препятствует корректному управлению финансовой устойчивостью фирмы, лишает ее способности качественно регулировать денежными потоками и эффективно распределять полученный доход [1, с. 256].

Для того, чтобы нивелировать риск утраты финансовой устойчивости на ближайшую перспективу и расширить масштабы производство требуется выработка финансовой стратегии [6, с. 11].

Минимизация величины привлекаемых займов выступает очередным методом управления и оптимизации финансовой устойчивости.

Выбор такой политики управления финансовыми ресурсами позволяет обеспечивать минимальный уровень финансовой устойчивости и платежеспособности во избежание просроченной кредиторской задолженности в условиях непредсказуемых внешних изменений [6, с. 6].

Препятствовать укреплению финансовых позиций фирмы могут и трудность преодоления экономических вызовов внешней среды.

К таким вызовам, чаще всего, относятся именно глобальные мирные кризисы, имеющие колоссальное значение на экономики многих стран.

Все вышеперечисленные факторы, препятствующие повышению уровня финансовой устойчивости, можно классифицировать по различным группам. Каждая группа факторов имеет важнейшее значение при оценке рисков потери финансовой устойчивости и позволяет определить оптимальный вектор развития деятельности предприятия.

В экономической теории принято выделять общую классификацию факторов, определяющих уровень финансовой устойчивости [3, с. 211]:

- в зависимости от места возникновения: внутренние и внешние;
- в зависимости от доли влияния: основные и второстепенные;
- на основе структуры: простые и сложные;
- на основе периода действия: постоянные и временные.

Подробнее рассмотрим первую группу факторов, ведь именно внутренние факторы, по большей части, определяют результаты анализа финансовой устойчивости за счет прямого влияния на нее.

Такие факторы, как общий уровень доходов и расходов, их динамика в краткосрочной и долгосрочной перспективе, величина и состояние имущества компании, величина уставного капитала, наличие сформированных резервов, структура реализуемой продукции или услуги, а также специфика отрасли, к которой относится компания, выступают внутренними факторами.

Вместе с тем существуют и внешние факторы, имеющие косвенное влияние извне на

деятельность предприятия. Доля влияния внешних факторов намного ниже доли воздействия на производство внутренних факторов.

Благосостояние государства и граждан, сформированная система ценностей и уровень их дохода, условия экономического функционирования, степень внедрения инноваций в отрасли производства, проводимые государством, налоговая, денежно-кредитная политика и надзор за деятельностью коммерческих организаций, уровень его внешнеэкономического взаимодействия с другими странами определяются как факторы внешнего воздействия.

Малышев Н. Г., Кычкин Д. Е. подразделяют внутренние факторы, влияющие на устойчивость финансового состояния предприятия, на основные и не основные.

Внутренние основные факторы характеризуют эффективность реализации финансовых ресурсов предприятия (прибыль, рентабельность, уровень издержек обращения, оборачиваемость ресурсов и др.). Внутренние не основные факторы, хотя и определяют работу производственного коллектива, но не связаны непосредственно с сущностью финансового состояния: это структурные сдвиги в составе продукции, нарушения хозяйственной и технологической дисциплины и т. п. [2, с. 160].

Барри М. М. выделяет классификацию по направленности и определяет положительные и отрицательные факторы, имеющие роль в формировании уровня финансовой устойчивости [7, с. 527].

Автор определяет такие положительные факторы, как:

- уплата в полном объеме налогов перед государством;
- отсутствие задолженности по выплате заработной платы перед сотрудниками;
- наращивание прибыли от продаж, выступающей ключевым фактором для роста финансовой устойчивости организации;
- положительная динамика показателей рентабельности фирмы;
- оптимальный уровень величины собственных средств в капитале, поддерживающий финансовую стабильность и автономию предприятия.

Между тем, сокращение уровня платежеспособности и тенденция, ведущая к его минимизации, выступают основополагающим фактором отрицательного значения.

На основе вышеуказанных проблем повышения уровня финансовой устойчивости, важно понимать, что игнорирование даже малозначимых факторов ведет к отрицательной тенденции показателей финансовой устойчивости.

Своевременное выявление факторов, их анализ, установление степени риска и количественная оценка несомненно должны являться основой риск-менеджмента. Это позволит обеспечить стабильный рост субъекта деятельности, значительно нарастить величину чистой прибыли и расширять масштабы всего производства.

Литература

1. Абрютин М.С. Экспресс-анализ финансовой отчетности: методическое пособие. – М.: Издательство «Дело и Сервис», 2020. – 256 с.
2. Базарова М.У. Финансовая устойчивость организации в условиях кризисной экономики: оценка и моделирование параметров ее повышения: монография / М.У. Базарова, Д.Ц. Бутуханова. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филлипова, 2020. – 160 с.
3. Балычев С.Ю. Сравнительный анализ методик оценки финансовой устойчивости предприятий / С.Ю. Балычев, М.А. Батьковский, К.Н. Мингалиев, А.В. Фомина // Экономика. – 2021. – № 6. – С. 211-231.
4. Барри М.М. Факторы, определяющие уровень финансовой устойчивости предприятий // Финансовые исследования. – 2020. – № 2(55). – С. 98-104.
5. Бекренева В.А. Анализ финансовой устойчивости организации / В.А. Бекренева // Финансовый журнал. – 2020. – № 3. – С. 93-104.
6. Бендиков М.А. Финансово-экономическая устойчивость предприятия и методы ее регулирования / М.А. Бендиков, И.В. Сахарова, Е.Ю. Хрусталева // Экономический анализ: теория и практика. – 2021. – № 14. – С. 5-14.
7. Бланк И.А. Финансовый менеджмент: учебный курс / И.А. Бланк. – Киев: Ника-центр: Эльга, 2020. – 527 с.
8. Богомолова И.П. Теоретические аспекты исследования устойчивого развития предприятия / И.П. Богомолова, И.А. Лобанов // Финансы. Экономика. Стратегия. Сер.: Инновационная экономика: человеческое измерение. – 2021. – № 9. – С. 11-14.

CHERNOVA Yulia Alekseevna

Student, Ulyanovsk State Technical University, Russia, Ulyanovsk

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Economic Theory
of Ulyanovsk State Technical University, Candidate of Economic Sciences Shturmina Olga Sergeevna*

**FINANCIAL STABILITY OF AN ORGANIZATION:
ANALYSIS METHODS AND PROBLEMS
OF IMPROVING FINANCIAL STABILITY**

Abstract. *The article discusses the methodology for analyzing the financial stability of an organization, as well as the problems of improving the level of financial stability.*

Keywords: *financial stability, analysis methodology, analysis, problems, indicators, assets, organization.*

ПСИХОЛОГИЯ

КОВАЛЕВА Полина Алексеевна

студентка, Государственный университет просвещения, Россия, г. Москва

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОСТЮМА И ИХ ПРОЯВЛЕНИЕ В ШКОЛЬНОЙ СРЕДЕ

Аннотация. Статья посвящена социально-психологическому анализу школьной формы как активного элемента образовательной среды. Исследуется её влияние на психофизиологический комфорт, групповую динамику и формирование культурной идентичности ученика. На основе комплексного подхода обосновывается необходимость дизайна формы, отвечающего задачам психогигиены, социализации и эстетического воспитания.

Ключевые слова: школьная форма, социальная психология, психология восприятия цвета, эргономика одежды, групповая идентичность, культурная идентификация, дизайн образовательной среды, эстетическое воспитание.

Исторический анализ школьной формы традиционно раскрывает её внешние, институционально заданные функции – дисциплинирующую, идеологическую, социально-нивелирующую. Однако подлинное понимание роли костюма в школе требует перехода к социально-психологическому измерению, которое показывает, как форма функционирует в пространстве внутренних переживаний, межличностных отношений и формирования «Я»-концепции ученика. Костюм, будучи «второй кожей», выступает мощным невербальным коммуникатором, а в условиях замкнутой и регламентированной социальной системы школы его влияние многократно усиливается. Это влияние проявляется на трёх взаимосвязанных уровнях: индивидуально-психологическом, социально-групповом и культурно-идентификационном, формируя сложный портрет взаимодействия личности и социальной среды.

На индивидуальном уровне школьная форма напрямую вторгается в сферу психофизиологического комфорта и эмоционального самочувствия ребёнка. Цвет, как активный визуальный стимул, оказывает непосредственное воздействие на вегетативную нервную систему. «Красный и бордовый возбуждающе действуют на нервную систему, повышают кровяное давление. При длительном влиянии этот цвет негативно сказывается на детской психике» [8, с. 88]. В противоположность этому,

спокойная палитра способствует концентрации внимания и создаёт ощущение безопасности. «Зеленые и синие цвета выбирают спокойные уравновешенные дети» и их используют «в гардеробе гиперактивных детей для развития усидчивости, спокойствия» [3, с. 336]. Этот эффект подтверждается не только при выборе одежды для детей, но и в контексте восприятия фигуры учителя: «зеленый цвет повышает результативность деятельности, ее целеустремлённость и настойчивость, способствует снятию напряжённости, настраивает на сотрудничество, создаёт благоприятную атмосферу» [5, с. 552]. Таким образом, колористическое решение формы перестаёт быть вопросом только эстетики, становясь элементом проектирования психогигиенической образовательной среды.

Физический дискомфорт от одежды, стесняющей движение или изготовленной из некачественных материалов, также имеет прямые психологические последствия, трансформируясь в фоновый стресс, раздражение и чувство несвободы. Анализ рынка показывает, что проблема некачественных материалов остаётся острой: «показатели воздухопроницаемость, гигроскопичность и устойчивость окраски к трению имеют значения ниже допустимого, что приводит к снижению безопасности и ухудшению потребительских свойств тканей» [9, с. 184], а «большой процент изделий на рынке имеет ненадлежащее качество, ошибочную или

ложную маркировку» [4, с. 216]. Ответом на эту проблему становятся современные эргономические разработки, направленные на снятие физического и, как следствие, психологического дискомфорта. Примером служит трансформируемая одежда, такая как рубашка-боди со съёмной ластовицей, которая «обеспечивает удобства и опрятный вид при различных позах и движениях школьников в процессе учёбы» [6, с. 109]. Забота о материальном комфорте оказывается, таким образом, прямым вкладом в психологическое благополучие и учебную вовлечённость ребёнка.

Переходя от индивидуального к социально-групповому уровню, мы сталкиваемся с двойственной природой школьной формы. С одной стороны, она исторически рассматривается как инструмент социального нивелирования. Введение формы «обуславливается необходимостью стирания имущественного, социального и религиозного различия между обучающимися» [7, с. 864], что ведёт к «сведению к минимальной конкуренции и стремление выглядеть лучше, чем другие» [7, с. 865]. Эта функция призвана снизить ситуативную тревожность и создать условно равное поле для социального взаимодействия, особенно важное для детей из менее обеспеченных семей. С другой стороны, единообразие костюма является мощным механизмом конструирования групповой принадлежности, формирования корпоративного «мы-чувства» через визуальную сплочённость. Однако в этом процессе кроются и социально-психологические риски, связанные с укоренением стереотипов восприятия. Исследование потребительских предпочтений показывает, что существует запрос на понимание того, «на какой продукт нужно сделать акцент, потому что его выбирает большая часть целевой аудитории» [1, с. 584]. При этом отмечается, что «из всех существующих у подростков проблем для проектирования комплекта одежды выделена их неудовлетворённость существующими моделями школьной форменной одежды для учениц старших классов» [1, с. 585]. Эти данные указывают на существование устойчивых стереотипов (об эстетической ущербности формы, её исключительно дисциплинарной функции, жёсткой гендерной маркированности), которые, усваиваясь, могут формировать у школьников предубеждённое, негативное отношение к самой идее форменной одежды, блокируя возможность увидеть её позитивный потенциал.

Наиболее глубокое воздействие школьной формы связано с культурно-идентификационным аспектом, где она перестаёт быть просто одеждой и становится частью личной истории, «социальной кожей» подростка. Именно через эту «кожу» происходит постоянный диалог между внутренним самоощущением и внешней социальной оценкой. Современный запрос в образовании смещается от безликой униформы, символизирующей подчинение внешней норме, к идентификационному костюму, который позволяет выразить принадлежность к конкретному сообществу с уникальными ценностями и историей. Это открывает путь для использования формы как инструмента позитивной культурной идентификации. Интеграция в дизайн локальных культурных кодов трансформирует форму из навязанного атрибута в предмет гордости и осознанного выбора. «Во всех учебных заведениях Республики Саха (Якутия) очень бережно сохраняют национально-культурные традиции коренных малочисленных народов Севера» [10, с. 960], а в современном комплекте предлагается использовать «элементы традиционных национальных сюжетов» [10, с. 960]. В таком контексте форма становится активным средством эстетического и культурного воспитания. «Народный костюм, традиционные орнаменты и узоры – это неиссякаемый источник вдохновения для многих дизайнеров. Современная мода органично соединяет настоящее и прошлое, передает культуру и самобытность Родины» [2, с. 489]. Таким образом, костюм начинает выполнять нарративную функцию, рассказывая истории, транслируя ценности и способствуя формированию не навязанной извне, а глубоко присвоенной и осмысленной идентичности, связывающей личность, школу и более широкий культурный контекст.

Социально-психологический анализ позволяет утверждать, что школьная форма является активным, а не пассивным элементом образовательной экосистемы. Её влияние пронизывает все уровни существования школьника: от базового психофизиологического комфорта, определяемого цветом, кроем и качеством материалов, через сложную диалектику социального нивелирования и групповой сплочённости, подверженную стереотипам, до глубинных процессов формирования личностной и гражданской идентичности. Наиболее перспективным представляется подход, рассматривающий дизайн школьной формы не как задачу

создания унифицированной одежды, а как проект конструирования позитивной социально-культурной среды. Такой костюм сможет одновременно обеспечивать индивидуальный комфорт, смягчать социальные напряжения через эстетику равенства и достоинства, а также стать визуальным якорем для формирования осмысленной принадлежности к школьному и культурному сообществу. Это формирует комплексный набор требований к проектированию, где композиционно-художественные решения должны быть напрямую подчинены решению выявленных социально-психологических задач.

Литература

1. Бянкина Е.А. Роль социального портрета современных старшеклассниц в разработке школьной форменной одежды / Е.А. Бянкина // Молодежь XXI века: шаг в будущее: Материалы XXV региональной научно-практической конференции. В 2-х томах, Благовещенск, 22 мая 2024 года. – Благовещенск: Амурская государственная медицинская академия, 2024. – С. 584-585. – EDN XODUDY.
2. Гильмутдинова Е.В. Формирование культурного восприятия образа Родины у детей через одежду / Е.В. Гильмутдинова // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: Материалы V Международной научной конференции, Москва, 23 апреля 2021 года. – Москва: Учреждение высшего образования «Московский художественно-промышленный институт», 2021. – С. 488-490. – EDN ZNRKTM.
3. Долгушина Н.В. Анализ психологического состояния ребенка младшего школьного возраста через призму его эстетических предпочтений в одежде / Н.В. Долгушина, Е.В. Якимчук // Междисциплинарные аспекты развития трансформационных технологий: Сборник материалов I Национальной научно-практической конференции с международным участием, Геническ, 12–14 октября 2023 года. – Геническ-Керчь: [б.и.], 2023. – С. 335-337. – EDN VVQBYK.
4. Ковтун А.М. Актуальная ситуация и нововведения в сфере сертификации и стандартов качества детской одежды (на примере школьной формы) / А.М. Ковтун // Альманах научных работ молодых ученых Университета ИТМО, Санкт-Петербург, 02–05 февраля 2022 года. Том 3 Часть 1. – Санкт-Петербург: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет ИТМО», 2022. – С. 216-219. – EDN EPULIX.
5. Литвинович С.А. Влияние цвета одежды учителя на работоспособность и успеваемость учащихся младшего школьного возраста / С.А. Литвинович // XIV Машеровские чтения: материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 21 октября 2020 года. – Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2020. – С. 551-552. – EDN TJNNSK.
6. Саидова Ш.А. Проектирование школьной одежды с улучшенными эргономическими показателями / Ш.А. Саидова // Вестник Технологического университета Таджикистана. – 2024. – № 2(57). – С. 108-112. – EDN SRPHVC.
7. Сапугольцев В.Ю. Особенности дизайн-проектирования школьной форменной одежды / В.Ю. Сапугольцев, М.А. Сапугольцева // Социально-гуманитарные инновации: стратегии фундаментальных и прикладных научных исследований: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Оренбург, 20-21 мая 2021 года. – Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2021. – С. 863-866. – EDN VUGHJV.
8. Харлова О.Н. Проектирование школьного гардероба как средство обеспечения комфорта обучающегося / О.Н. Харлова // Современные тенденции изобразительного, декоративного прикладного искусств и дизайна. – 2023. – № 1. – С. 86-93. – EDN WOTPVV.
9. Черенцова Г.Г. Исследование качества материалов для производства школьной одежды / Г.Г. Черенцова // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – № 10-2(104). – С. 183-186. – DOI 10.24412/2411-0450-2023-10-2-183-186. – EDN EQGYBE.
10. Шинкаренко К.Д. Особенности проектирования школьной формы / К.Д. Шинкаренко // Молодёжь XXI века: шаг в будущее: Материалы XXII региональной научно-практической конференции, Благовещенск, 20 мая 2021 года. – Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2021. – С. 959-960. – EDN PJJQYE.

KOVALEVA Polina Alekseevna

Student, State University of Education, Russia, Moscow

THE SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF COSTUME AND THEIR MANIFESTATION IN THE SCHOOL ENVIRONMENT

Abstract. *The article is devoted to the socio-psychological analysis of the school uniform as an active element of the educational environment. Its impact on the psychophysiological comfort, group dynamics and cultural identity of the student is examined. Based on an integrated approach, the necessity of uniform design that meets the tasks of mental hygiene, socialization and aesthetic education is substantiated.*

Keywords: *school uniform, social psychology, psychology of color perception, clothing ergonomics, group identity, cultural identification, educational environment design, aesthetic education.*

Актуальные исследования

Международный научный журнал

2026 • № 5 (291)

Часть II

ISSN 2713-1513

Подготовка оригинал-макета: Орлова М.Г.

Подготовка обложки: Ткачева Е.П.

Учредитель и издатель: ООО «Агентство перспективных научных исследований»

Адрес редакции: 308000, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135

Email: info@apni.ru

Сайт: <https://apni.ru/>

Отпечатано в ООО «ЭПИЦЕНТР».

Номер подписан в печать 03.02.2026г. Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

308010, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135, офис 40